

ИЛЛЮЗИИ В МИРЕ *Синизма*

Николай
БУРБЫГА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Николай Бурбыга

ИЛЛЮЗИИ В МИРЕ ЦИНИЗМА

«Автор»

2026

Бурбыга Н. В.

**ИЛЛЮЗИИ В МИРЕ ЦИНИЗМА / Н. В. Бурбыга — «Автор»,
2026**

Кирилл Бахтин — не просто разведчик-нелегал. Он наблюдатель, философ и воин в мире, где честь и совесть давно стали разменной монетой. Его путь начинается в солнечной Одессе, проходит через кабинеты спецслужб, пески Сьерра-Леоне и закрытые библиотеки Рима. Но главная битва разворачивается не на карте мира, а в человеческой душе. Эта книга — масштабная панорама эпохи, сотканная из реальных событий и острых размышлений. Здесь шпионский триллер соседствует с глубокой исторической аналитикой, а воспоминания о юности — с жесткой правдой о геополитике. Кто на самом деле управляет мировыми процессами? Можно ли остаться человеком, когда вокруг рушатся империи и продаются идеалы? И какова цена иллюзий в мире абсолютного цинизма? Роман для тех, кто ищет в литературе не только захватывающий сюжет, но и ответы на вечные вопросы о долге, любви и судьбе России.

© Бурбыга Н. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	30
Глава 5	41
Глава 6	45
Глава 7	54
Конец ознакомительного фрагмента.	60

ИЛЛЮЗИИ В МИРЕ ЦИНИЗМА

Глава 1

199... год. Сьерра-Леоне. Государство в Западной Африке, на побережье Атлантического океана. Фактория вблизи Фритауна.

Кошмар прорастает сквозь меня как плющ, затягивая в лабиринт смутных образов. Я — наблюдатель со стороны, смотрящий на себя в кривом зеркале. В разуме — обрывки снов без смысла: люди, выросшие в деревья, существа, сотканные из тумана, бездонная яма, где летают зубы. Ни света, только густая тьма и обжигающее дыхание песка. Потом передо мной распускается мир, как цветок, вывернутый наизнанку. Кажется, всё до невозможного реально, я — зритель этого сюрра. Мыльный пузырь размером с планету заключает в себе влюбленных, сплетенных в клубок молчания. Рядом — машины-лиры, где грешники слышат песни мучений. Из-под крошечной тьмы появляется старец в тряпье, борода — спрут, взгляд — нож. Это Харон, повар душ. «В эту ночь царя Вальтасара съели муравьи», — шепчет он и толкает меня в пустоту. Алмаз превращается в дождевую каплю. Холод лезвием режет мою плоть, я, как пустая лодка, беспомощен в океане отчаяния. И вдруг... я просыпаюсь, не помня имени.

Какое счастье! Всего лишь сон. Потусторонний мир, полный ужаса и наваждений, растаял. Но откуда эти видения? Мысль уносит меня в Мадрид, в музей Прадо, к картине Босха «Сад земных наслаждений». Вот источник моего кошмара.

В небе расцветает алый румянец — рождается день. Пытаюсь встать, но в глазах рябит, голова кружится. И я теряю сознание, опять падая в темноту.

Очнувшись, осознаю себя лежащим на глиняном полу хижины без стен. Мое тело завернуто в банановые листья и старый платок с ароматом перезревшей дыни. Вокруг — белёсый пейзаж с деревянными домиками, крытыми пальмовыми листьями.

На высоком дереве неподвижно висит темно-фиолетовый крокодил, подвешенный за хвост. Его огромные зубы видны из приоткрытой пасти, а один глаз, прищуренный, кажется пустым. Второй с болезненно-желтым блеском неотрывно смотрит на меня.

Я сплю? — шепчу себе, но щипок в ногу доказывает обратное.

Слышны голоса, треск живого огня, а дым лениво тянется к небу. Внутри просыпается волчий голод, запах очага будит неистовый аппетит. Невольно вырывается крик: «Эй!»

Из тени появляются несколько человек. Впереди — старик в длинной грубой рубахе из козьей шерсти. Растрепанные волосы и всклокоченная седая борода придают ему суровый, почти мистический вид. Я вспоминаю, что уже видел его во сне.

Он подходит ближе, и я понимаю: это местный жрец и врачеватель, которого зовут Наполеон. Нечто необъяснимое связывает меня с этим стариком. Я жду, что он скажет или сделает.

Рядом с ним девушка в юбке из козьей шкуры. У нее смуглая кожа, густые волосы, полные губы и темные глаза. Небольшую грудь украшают бусы из крупных раковин. Ее имя — Арфа. Это она ухаживала за мной, пока я был немощен.

Я не могу оторвать глаз от плетеной корзины, которую она держит. Из нее доносится аромат свежих фруктов и хлеба. Голод терзает меня, но желание понять, что произошло, сильнее.

— Как я здесь оказался? — спрашиваю я.

— Тебя нашел Камо, — говорит старик, указывая костлявым пальцем на юношу с горделивой осанкой и лицом будто вырезанным из дерева. Услышав свое имя, темно-бурая шея юноши напрягается. — Он вытащил тебя из мангровых зарослей у реки. Плохие люди выбросили тебя из машины. — Старик кивает в сторону дерева, на котором висел мой кошмар. — Крокодил уже был рядом с тобой и собирался наброситься. Но Камо успел вовремя метнуть копье. Зверь нырнул в глубину, но его нашли по торчащему из воды древку.

Воспоминания нахлынули неожиданно. Туман мангровых зарослей, холодный и липкий, словно окутал меня. Я почувствовал, как что-то огромное приближается ко мне. Сердце застучало так, что, казалось, вырвется из груди. Крокодил. Его глаза горят голодным блеском. У меня всего мгновение, чтобы спастись.

Я собрал всю волю и рванул в сторону. Но его челюсти схватили мою штанину. Он потянул меня в мутную воду. Я закричал от страха. Отчаянно пытался уползти. И вдруг из тьмы появился он. Копье блеснуло в лунном свете и с ужасающей точностью вонзилось в крокодила. Тварь разжала хватку, и я, захлебываясь, рухнул в воду. Люди вытащили меня на берег, положили на землю, осторожно осматривая мои раны. От боли и страха я снова провалился в забыть.

Когда очнулся, густые заросли мангровых деревьев все еще окружали нас. Я вспомнил своего спасителя. Теперь, осознавая все, что он сделал для меня, я чувствовал благодарность, она переполняла сердце. Протягивая руку, я сказал всего одно слово:

— Спасибо!

Поблагодарив спасителей, я спрашиваю, могут ли они помочь мне доставить записку в советское посольство во Фритаун. Это непростая задача, но я надеюсь на их содействие.

Старик задумчиво гладит свою седую бороду, затем обращается к Камо на местном диалекте. После короткого совещания сообщает, что транспорта у них нет, но есть велосипед. Камо готов помочь, хотя дорога займет много времени.

Мне приносят мятую бумагу и карандаш. Обрадованный, я пишу короткое послание, в котором сообщаю о том, что попал в беду и нуждаюсь в помощи. Передаю записку Камо.

Все расходятся, кроме девушки, которая смотрит на меня с интересом. Подойдя ближе, она ставит корзину на землю. Я жадно набрасываюсь на еду, чувствуя, как голод постепенно утихает.

— Как называется эта местность? — спрашиваю после того как насытился.

Она отвечает на своем диалекте, поясняя, что это отдаленный, малонаселенный район, вдали от городской жизни.

«Глухомань», — думаю я про себя, благодарно улыбаясь девушке в ответ.

Оставшись наедине со своими мыслями, я пытаюсь восстановить в памяти события, предшествующие моим несчастьям.

В столицу Сьерра-Леоне, Фритаун, я прилетел из Брюсселя, предварительно сделав прививки от малярии, столбняка и желтой лихорадки. Цель моей поездки — алмазы. Эта бедная страна с высоким уровнем преступности привлекла меня редкими камнями.

Прилетев, я встретился с оценщиком, которого рекомендовали в компании *DeBeers*. Мы отправились в порт к продавцу алмазов по имени Феликс — крупному темнокожему мужчине с золотым зубом. Он представил мне коллекцию камней. Я отобрал подходящие, но «Черного принца» — камня, который интересовал меня больше всего, — среди них не оказалось.

Феликс рассказал, что камень находится в шахте, и объяснил, как туда добраться. Мы попрощались. После этого я прогулялся по английским улочкам Фритауна, разглядывая колониальные здания, поднялся по Португальской лестнице, где некогда спускались рабы, и выпил кофе в небольшом ресторанчике среди сомнительных личностей. Их косые, недружелюбные взгляды заставили меня насторожиться.

После я арендовал старый «пежо» с водителем, полуголым представителем этнической группы лимба по имени Джуба. Я купил ему одежду, сандалии и накормил гамбургерами, так как он явно был голоден.

Взяв с собой оценщика, отправились к шахтам. Уже смеркалось, когда прибыли на место. Феликс ждал нас и показал камень — именно такой хотел мой заказчик из Антверпена. Удача была на моей стороне.

Феликс и оценщик уехали, так как у них были дела, а я остался до утра, чтобы пообщаться с горщиками — местными мастерами по добыче камней — и посмотреть, как алмазы извлекают из недр земли.

Возвращаясь во Фритаун, я был в приподнятом настроении. За окном автомобиля раскинулась настоящая Африка: саванна, дикие животные, яркие птицы и бабочки. Природное величие захватывало дух. Казалось, ничто не предвещало беды.

На полпути двигатель внезапно заглох. Мы остановились. Водитель, откинув капот, начал искать неисправность. Пока он возился, я отошел в сторону, с нетерпением поглядывая на него и отмахиваясь от насекомых. Южная ночь наступила внезапно, небо осветили звезды. Терпение мое лопнуло, и я раздраженно спросил, когда поедем. Его уклончивый взгляд и нервная улыбка меня напрягли.

Но вскоре двигатель завелся, и мы продолжили путь. Казалось, неприятности остались позади. Однако в машине разнесся тошнотворный запах. Смотрю на водителя — виновник очевиден. Он, смущенно отворачиваясь, пробормотал: «Обкакался». Это было последней каплей! Окно не открыть из-за москитов, а ехать в зловонии было невозможно.

Заметив впереди лунные блики на реке, я потребовал остановиться. Выйдя из машины, приказал водителю искупаться. Зная, что для него белый человек — авторитет, я был уверен, что он послушается. Но он испуганно замотал головой, бормоча: «Крокодил... опасно».

Чтобы убедить его, я первый зашел в воду, показывая, что это безопасно. Он неохотно пошел следом. Оказавшись рядом, я толкнул его, чтобы он упал в воду и смыл грязь. Водитель, решив, что я хочу его убить, бросился плыть на другой берег. Я кинулся за ним. У берега схватил его за ногу, но он отчаянно цеплялся за траву. Наконец я смог его вытащить.

На берегу он дрожал от страха. Чтобы успокоить его, я объяснил, что не собирался причинять вреда, а просто хотел, чтобы он очистился. Внезапно тишину прорезал рев мотора. В темноте вспыхнули автомобильные фары, и возле нас резко остановился старый драндулет. Из него вышли несколько человек. Одного я узнал — он был с Феликсом. Мой водитель сбивчиво затараторил что-то. Затем — удар, внезапная слабость, и сознание мое угасло.

Ночь проходит спокойно — ни снов, ни тревог, ни переживаний. Я просыпаюсь выпавшимся и бодрым. Деревня оживает: повсюду слышны громкие голоса, утренние звуки жизни. Солнечные лучи пробиваются в мое бунгало, обещая ясный день. Выхожу и сажусь на приступок. По узкой лесной тропинке приближается Камо, крутит педали своего ярко-оранжевого велосипеда. На нем красная выгоревшая футболка и длинные шорты. Я мысленно желаю ему удачной дороги и скорейшего возвращения.

Подходит Арфа. В ее руках кастрюля с вареными кукурузными початками, кусочек курицы и кувшин с водой — мой завтрак. Она ставит еду передо мной, улыбается и уходит. Я принимаюсь за трапезу, отбиваясь пальмовой веткой от назойливых насекомых. Жирная муха перескакивает на мою курицу, и я прогоняю ее. Поев, решаю прогуляться по деревне, чтобы отвлечься от тяжелых мыслей.

Единственная улочка деревни покрыта песчаной пылью. Я иду, проваливаясь ногами в мягкую поверхность. Вокруг шумят голопузые дети, женщины суетятся у костров, качают младенцев и бросают на меня любопытные взгляды.

На окраине деревни вижу возделанное поле с чахлой желтоватой кукурузой. Лениво пасутся коровы и овцы. Дальше — частокол, окруженный рвом, за которым темнеют густые заросли алоэ. Возвращаясь, замечаю старика, лежащего на боку в тени мангрового куста. Увидев меня, он застенчиво улыбается беззубым ртом и отворачивается.

Позже я оказываюсь в гостях у вождя племени. Джейкоб, предводитель деревни, — толстый, веселый и добродушный человек. Он с гордостью рассказывает, что подготовил для меня сюрприз: послал людей поймать рыбу. На обед подают африканского сома и большеротого окуня. Это первый раз за долгое время, когда я ем вдоволь.

Джейкоб наслаждается едой, приговаривая, что любит поесть и способен съесть за троих. Признается, что иногда объедается, но ничего не может с этим поделать. Вскоре зовет мальчишку и говорит ему что-то на креольском диалекте. Тот исчезает, но сразу возвращается с худощавым мужчиной в светлой рубашке, который держит Библию. Это Бенджамин, местный толмач.

Джейкоб предлагает Бенджамину сесть на тюфяк и прочитать притчу. Тот медленно перелистывает страницы, находит нужное место и начинает читать. Это притча о работниках виноградника из Евангелия от Матфея. В ней хозяин виноградника нанимает рабочих в разное время дня, но платит всем одинаковую сумму. Те, кто трудился с самого утра, возмущаются: «Почему мы получаем столько же, сколько те, кто пришел позже?» Хозяин отвечает: «Разве я не заплатил вам то, о чем мы договорились? Тогда зачем вы возмущаетесь?»

Я задумываюсь. Простая, но глубокая мысль заключена в этих словах: справедливость не всегда соответствует равенству.

Во время чтения Джейкоб внимательно следит за моей реакцией. Когда толмач заканчивает, он спрашивает, понял ли я смысл притчи. Эту притчу я знаю. Отвечаю, что хозяин виноградника — это Бог, который призывает людей трудиться ради благого дела. Притча говорит о божественном милосердии. Она учит, что отношения с Богом нельзя строить по рыночным законам. Бог не вознаграждает строго пропорционально заслугам и не карает строго пропорционально грехам. Его справедливость выше человеческой, а милость безгранична. Даже если человек приходит к Богу на склоне лет, но искренне принимает Его, Бог принимает такого человека, как если бы тот служил всю жизнь.

Джейкоб улыбается, довольный моим ответом. Он встает, подходит ко мне и, обняв, произносит: «Все дается по милости Божией».

С этого момента я становлюсь частью местной церковной общины. Мы обедаем с Джейкобом, а затем приходит Бенджамин с десятком мужчин, женщин и детей. Прослушав новую притчу, мы обсуждаем ее. Под звуки музыкальных инструментов и монотонный ритм джембе — барабана из цельного дерева, обтянутого кожей, — начинаем петь псалмы.

Джейкоб и его единомышленники считают, что псалмы — надежная духовная защита от всех тёмных сил. Если их регулярно читать или петь, никакой искушитель не сможет приблизиться к тебе.

Псалтырные посиделки какое-то время приносили облегчение, но, возвращаясь в бунгало, я неизменно ложился на тюфяк, и дурные мысли, словно назойливые гости, вторгались в сознание. Меня охватывало душевное томление, и я начинал тосковать по прошлой жизни. Чтобы вернуть равновесие, я погружался в светлые воспоминания детства. Они казались мне спасением, лечили душу и помогали не пасть духом.

... Разгар южного лета. На опушке леса стоит шалаш — мое маленькое убежище. Я ощущаю себя легко и беззаботно. Воспоминания настолько яркие, что я снова слышу звуки и вдыхаю запахи, словно все это происходит наяву. У входа лежит прибившийся рыжий пес неизвестной породы. Он смотрит на меня внимательно, не мигая. По его взгляду я понимаю: он ждет, когда мы пойдем гулять.

Выбираюсь из шалаша и окунаюсь в утреннюю свежесть, пахнущую ночным дождем. На лесной лужайке с пчелиными ульями вижу деда. Его сухощавая, мускулистая фигура знакома с детства. Разменяв седьмой десяток, он все еще выглядит молодцом. Сейчас он в маске, поэтому лица не видно. Он держит в руках пчелиную рамку и внимательно следит за медосбором. Рядом с ним Федор Леонтьевич, его фронтовой товарищ, работает дымарём, отпугивая пчёл. Защитная одежда делает их похожими на космонавтов.

Я кричу: «Доброе утро!» — и направляюсь к деревянному столу с лавками под навесом. Поблизости в земляной печке греется вода, а серо-голубой дым лениво стелется над верхушками деревьев. На столе стоит ведро с летними яблоками. Беру красно-желтый плод и

направляюсь купаться к пруду. Рыжик, получивший свою кличку за песочный окрас, радостно носится, виляя хвостом.

Босиком иду по мокрой, прохладной траве, оставляя за собой примятые следы. Вокруг колосятся полевые травы, источая сладкий запах клевера и меда. Над шалфеем лениво кружат шмели. Тишину утра вдруг разрывает громкий, хриплый крик чибиса: «Хью-вы!» Мне чудится: «Чи вы? Чи вы?»

На песчаном берегу пруда замечая крикву и серую утку, покачивающихся на воде. Рыжик прыгает в воду, и птицы, испуганно взлетев, скрываются в густых зарослях тростника. После ночного дождя вода в пруду теплая. Я с удовольствием плаваю, ныряю, а потом, наполненный бодростью, выхожу на берег.

... Сколько времени прошло с того дня, как гонец уехал в столицу? Что, если с ним случилась беда и он не смог выполнить мою просьбу? Эти мрачные мысли крутятся в голове. От них отвлекает гул барабанов. В фактории праздник. До самой ночи звучат ритмичные удары, раздаются крики, люди танцуют до изнеможения. Барабанные ритмы словно гипнотизируют, помогая расслабиться и снять внутреннее напряжение.

Утренний петушиный крик врывается в сонный мир, словно будильник, установленный самой природой. Зовет кур к завтраку, к хлопотливой суете. Выхожу из бунгало, утыканного заплатками времени, и опускаюсь на старую, обветренную корягу. Она теплая, хранит еще ночное тепло земли. Мохнатый паук, развалившись на паутине, лениво греется в первых лучах солнца. Кажется, ему тоже никуда не нужно спешить. Рядом коза, флегматично пережевывая жвачку, неспешно щиплет жухлую траву. Никакой суеты, никакой спешки. Время здесь течет по-другому. Густо, как мед. Медленно, словно застыло в этом самом мгновении.

Но солнце уже припекает нещадно. Ищу спасения в тени старого дуба, с его корявыми ветвями и густой листвой. Здесь прохладно и тихо. И вот тут, в этой тишине, взгляд падает на муравейник. Небольшой холмик из земли и хвои, на первый взгляд, ничего особенного. Но присмотришься – и видишь целый мир. Муравьи. Сотни, тысячи. Снуют туда-сюда, деловито перебирая лапками. Каждый несет свою ношу, травинку, песчинку, крошку. Каждый занят своим делом. И в этой бесконечной суете вдруг проступает какой-то порядок, какая-то система. Задумаешься – и этот маленький муравейник начинает казаться уменьшенной копией нашего собственного, человеческого общества. Только, может быть, более честного.

Вот он, первый муравей – разведчик, наверное. Он бежит впереди, его усики нервно ощупывают дорогу, словно он сверяется с невидимой картой. Сразу вспоминаются передовые отряды, отправленные на разведку новых территорий. Искатели ресурсов. А потом, один за другим, высыпает рабочие муравьи. Они тащат травинки, веточки, крошки земли – строительные материалы для своего города. Каждый знает своё место, каждый выполняет свою задачу. Безо всяких приказов, без лишних слов – идеальная слаженность. У нас же вечно споры, соглашения, бесконечные совещания, чтобы построить один несчастный дом.

Смотрю дальше. Вот двое столкнулись, обменялись какими-то быстрыми движениями усиков – наверное, как у нас короткий кивок или обмен приветствиями. А вон там – муравей-солдат, с большими челюстями, стоит на страже у входа. Охраняет свою территорию. Защищает своих от чужаков. То же самое, что и наши солдаты, только в тысячу раз меньше. Но принцип тот же – безопасность превыше всего.

А что внутри? Что там, в глубине этого земляного лабиринта? Там, наверное, кипит жизнь. Там детские сады для личинок, склады для запасов, королевские покои для матки. Всё организовано, всё продумано. Как в настоящем государстве. У нас тоже – детские сады, склады, президентский дворец. Разница только в масштабе.

Удивительно, как эти крошечные существа, с таким маленьким мозгом, смогли создать такую сложную систему. Инстинкты? Наверное, да. Но за этими инстинктами скрывается что-то большее. Стремление к порядку, к выживанию, к общему благу. И вот тут начинаешь задумываться

мываться: а так ли уж мы, люди, отличаемся от этих муравьев? У нас тоже есть инстинкты. Стремление к власти, к богатству, к удовольствиям. И мы тоже создаем сложные системы, государства, экономики, культуры. Но часто забываем о главном – о справедливости, о сострадании, о гармонии с природой.

Муравьи живут по своим законам, они не загрязняют свою планету, не воюют друг с другом из-за ресурсов, не стремятся к бесконечному потреблению. А мы? Мы, гордые представители человечества, вечно воюем, загрязняем, разрушаем. И кто из нас, в итоге, умнее и организованнее?

Вдали вижу идущую ко мне Арфу. Поднимаюсь, разминая затекшие ноги. Ухожу, унося с собой в голове эти странные, но такие важные мысли. И понимаю, что иногда, чтобы понять себя, нужно просто посмотреть на муравьев. Они могут многому научить.

Глава 2

С Кириллом Бахтиным я знакомлюсь во время охоты на кабана. Приятель, зная о моем интересе к шпионским историям, заманивает меня на это мероприятие, пообещав познакомить с человеком увлекательной судьбы. «Сможешь разговорить — узнаешь то, о чем не пишут в газетах», — уверяет он. Страсти к охоте у меня нет, более того, размышляя на тему: охота — это достойный отдых или бессмысленное убийство, я склоняюсь ко второму мнению. Но перспектива встретить «человека с интересной судьбой» оказывается сильнее меня. А охота, как известно, — место, где даже самые сдержанные и молчаливые люди становятся разговорчивыми.

Чтобы не выглядеть белой вороной, я беру с собой гладкоствольное охотничье ружье Benelli Raffaello двенадцатого калибра, купленное скорее как дань мужской моде, чем по необходимости, отбираю патроны — картечь и полумагнум. В пятничный вечер отправляюсь в Калужскую область. Сбор охотников назначен в арт-отеле «Караськово». Хозяин отеля, болгарин Дмитрий Д., ссылаясь на старинную традицию — перед охотой иметь «не только вычищенное оружие, собак и мытых лошадей, но и самому побывать в бане», — советует посетить банный комплекс. Предложение принимается с восторгом.

Кирилл Бахтин, ради встречи с которым я здесь, оказывается чуть выше среднего роста, с пронизательным взглядом и простой, приятной улыбкой. Густые темно-каштановые волосы, широкие брови и четкие черты лица делают его похожим на уроженца Кавказа. В предбаннике, когда мы раздеваемся, я замечаю его хорошо развитый торс и загорелую смуглую кожу, как будто он недавно вернулся из жарких стран.

Кирилл разговорчив, много шутит, сыплет одесскими анекдотами и сразу привлекает к себе внимание. По лицу и телосложению я пытаюсь определить его характер и прихожу к выводу, что за внешней привлекательностью скрывается человек, способный на обман и даже жестокость.

Греясь в бане и глубоко вдыхая горячий, душистый воздух с ароматами полыни, березовых и дубовых листьев, мы, распаренные и краснолицые, переходим в небольшой зал. На столе перед нами стоят блюда с холодными закусками, бутербродами, а в вазах — фрукты. Эксклюзивный самогон, каким-то чудесным образом оказавшийся здесь, быстро развязывает языки. Лица моих сотоварищей оживляются: разговоры идут о добытых на охотах трофеях — они преувеличиваются, а эмоции зашкаливают. Каждый спешит рассказать свою историю.

Бывший спецназовец Александр Полуев, темноволосый, с выразительным взглядом черных глаз, короткой бородкой, золотыми часами и массивным перстнем, прозванный за любовь к драгоценностям цыганским бароном, поднимает руку, прося внимания. Его взрывной характер и слегка быковатая манера общения не отталкивают, а притягивают: за внешней грубоватостью скрываются твердая воля, чувство справедливости и готовность прийти на помощь в любой ситуации.

Когда за столом становится тихо, он рассказывает о случае на охоте в Брянских лесах, произошедшем с ним в прошлом году.

Кирилл Бахтин, внимательно слушая, вдруг спрашивает:

— Кто-нибудь охотился на крокодила?

У меня тут же возникает в голове анекдот, и я делюсь им:

— Встречаются два крокодила после охоты. Один спрашивает: «Ну как, поохотился?»

— «Да, двух негров съел. А ты?» — «А я одного русского». — «Врешь! Дыхни».

За столом смеются.

— Случалось, — отвечает Барон.

— С проводником? — уточняет Кирилл.

— Да.

— Как по мне — это не охота, — говорит Кирилл. — Опытный проводник выследил «объект», вывел на выстрел, а тебе осталось только нажать на спусковой крючок. Нет ни остроты ощущений, ни опасности, ни адреналина, ни азарта. А разве без них это охота?

— Ну-ка, ну-ка, подробней! — оживляются собравшиеся.

Польщенный вниманием, Кирилл начинает вспоминать, как давным-давно ему посчастливилось охотиться на крокодила в Кенийской реке — по старинке. Он делится подробностями, как однажды сам едва не стал жертвой, но добавляет, что это другая история. Его слова оживают в моем воображении, и я почти вижу эту охоту во всех мельчайших деталях.

Когда рассказ заканчивается, я утепляюсь и выхожу во двор отеля, чтобы освежиться. Густо покрытые снегом ели и сосны стоят неподвижно, их вершины блестят серебром. На сером небосклоне одиноко висит луна, создавая атмосферу покоя и умиротворения. Я глубоко вдыхаю морозный воздух, наполненный запахом хвои и снега.

Вдали от больших городов, где световые отблески скрывают истинную красоту ночного неба, морозная зимняя ночь становится идеальным моментом для созерцания звезд.

За спиной громко хлопает дверь. Оборачиваюсь. «Охотник на крокодилов» в армейском бушлате и шапке-ушанке, прихрамывая, подходит ко мне.

— Не могу долго сидеть на одном месте, — говорит он. — Ноги одеревенели, словно налились свинцом. Нужно размяться. Погуляем?

Мы идем по дорожке, ведущей в лес. Деревья стоят сказочно неподвижно. Под ногами приятно хрустит снег. Неожиданно он спрашивает:

— Твой «мексиканец» жив?

Я удивляюсь его осведомленности. Речь идет о моей книге про разведчика-нелегала, недавно вышедшей в свет.

— История любопытная, — продолжает он. — За душу берет. Но герой твой знал, куда шел... Жена, дети — какая жалость! — это плачь, слюни, нытье. Специфика службы такова, что все может быть. В ней нет места для сантиментов, сюсюканья, утирания слез и обнимашек. Прикажут стать расходным материалом — стань!

— А если не согласен? — спрашиваю.

— Ты вне игры! — отвечает он безапелляционно. — Все по-взрослому.

— Да уж! Не позавидуешь, — говорю я.

Он пропускает мои слова мимо ушей и предлагает «идейку для сюжета».

Я тут же, как гончий пес, — не об этом ли мечтал? — принимаю боевую стойку и превращаюсь в слух. Но его история меня не цепляет. Он рассказывает о том, как в годы войны двоих малышей-евреев спас немец эсэсовец. Дети на всю жизнь запомнили глаза фрица. А спустя много лет они встретились. Он заканчивает и ждет моей реакции, глядя на снег, лежащий на лохматых лапах елей и сосен, готовый в любую минуту обрушиться. Но я разочарован. Разве этого я от него ждал?

«Голливуд какой-то», — думаю про себя, а вслух говорю:

— Даже не знаю, что сказать. Еврей, обнимающий эсэсовца... Расскажи лучше о себе.

Мой собеседник нахмуливает брови и долго смотрит в синеву ночного неба, где искрятся далекие звезды и висит молчаливый шар луны. Я не тороплю его, понимаю: бывшие секретные агенты даже спустя много лет не охотно идут на доверительную беседу. Но молчание затягивается, становится томительным. «Надо было говорить, и все тут!» — решаю я и спрашиваю наобум:

— Как думаешь, американцы были на Луне? Космонавт Леонов утверждал, что да. Говорил: весь мир наблюдал трансляцию высадки.

— Американцы на луне — это как вера в бога. Одни искренне верят, что он есть, но аргументированно доказать его присутствие ничем не могут. Другие утверждают, что бога нет,

но доказательства его отсутствия предоставить не могут. Лично я допускаю, что полет к Луне был. А вот была ли посадка?.. Что меня смущает? Ни у них, ни у нас не было тогда технологии высадки на Луну. Техника в то время была архаичной. Двигателя большой мощности, способного вывести требуемый вес полезной нагрузки, не было. У нас были стартовый комплекс и пятиступенчатая ракета. Но ее мощность была на пределе. Рисковать не стали. А космонавт Леонов может заблуждаться. В момент «высадки» Луна на территории СССР не наблюдалась. Чтобы проверить, достаточно посмотреть лунный календарь. Наблюдали трансляцию высадки! Откуда? Из военного городка в Королеве? Трансляции с Луны не было. Сигнал передавала НАСА из США с помощью беспилотных аппаратов. А мы принимали. Как в известном мультфильме, Шарик говорит: нашу маму и там и тут показывают. До чего техника дошла! Советские люди просто представить себе не могли, что кто-то может так безбожно врать.

— А лунный грунт?

— Есть мнение: анализ лунного грунта — подделка земного происхождения... За все миссии «Аполлона» нет киноплёнки облета Луны. А это документ! Как объяснить тот факт, что в 1970 году наше судно в Бискайском заливе выловило макет командного модуля, который якобы принадлежал «Аполлону».

Как известно, на Луне нет атмосферы, уровень радиации высочайший. В те дни был пик радиации на луне. Чтобы не получить облучения, скафандры должны быть сделаны из свинца, а не из сверхтонкого материала, из которого шьют трусы. Они и сегодня не имеют технической возможности совершить мягкую посадку на Луне. Тормозить двигателем того времени, да еще в ручном режиме — смелая фантастика от Стенли Кубрика. Почему после «триумфа» программы «Аполлон» был уволен Вернер Фон Браун со всей своей командой? Где логика? Победителей награждают, а не наказывают.

— Многочисленные снимки, сделанные астронавтами на Луне, разве не аргумент?

— Предполагаю: снимки сделаны во время тренировок в условиях, имитирующих лунную поверхность.... Чтобы развеять все сомнения о полете на Луну, пусть покажут оригинальные записи высадки Нила Армстронга и Базза Олдрина в 1969 году. Где они?!

— Но почему СССР поддержал ложь?

— Мое мнение: был сговор верхушки США и СССР. При первой встрече с Брежневым Никсон дарит ему кадиллак «Эльдорадо», собранный вручную. При следующей встрече линкольн и шевроле «Монте-Карло». Но это мелочь. США заплатили СССР по-крупному. В 1968 году они сняли эмбарго на экспорт из СССР в страны Запада энергоресурсов — нефти и газа. В 1969-м на берегу Камы при участии США началось строительство завода КАМАЗ. За что вдруг нас полюбили? В том же году американцы разрешили копировать свою эвм семейства ИВМ/360. Начато строительство нефтепровода «Дружба-II». Это привело к увеличению экспортных возможностей страны более чем в два раза. Начались переговоры о поставках газа в ФРГ и Италию. Удивительная щедрость, не правда ли?! Продолжать?

— Но зачем понадобилась фальсификация? Каков мотив?

— Идея принадлежала Генри Киссинджеру, советнику президентов Никсона и Форда по внешней политике. На мой взгляд, есть две причины. Американцы отставали в космической гонке от СССР. Чтобы поднять престиж страны, нужен реванш. Играть по-крупному. Это русские пускай возле Земли вертятся. А мы сразу на Луну.... А почему бы сразу на Марс не рвануть?.. — Иронично усмехнувшись, Кирилл продолжил: — Во время полетов на Луну шла война во Вьетнаме. Много вьетнамцев убито. Международная общественность уже собиралась начинать международный уголовный процесс против преступного режима США — судить как нацистов в Нюрнберге за военные преступления во Вьетнаме. Чтобы отвлечь внимание мировой общественности от военных преступлений США во Вьетнаме, начали проходить полеты. Кстати, в 1950-е годы, чтобы показать превосходство США над СССР, они разрабатывали план по сбросу атомной бомбы на поверхность Луны. Проект назывался «A119». В Иллинойском

институте проводили исследования по влиянию ядерного взрыва на Землю. К счастью, проект отменили. Общественность могла негативно отреагировать на ядерный взрыв, в случае неудачного запуска могли пострадать люди, а поверхность Луны могла быть заражена, и в будущем люди не смогли бы ее использовать для колонизации.... Ложь у них в крови. Они гордятся своим «первооткрывателем» Северного полюса Робертом Пири, который до полюса не дошел — просидел два месяца на стоянке, а потом заявил, что он там был. Или взять историю об 11 сентября. Не только я, но и многие на Западе считают, что официальная история не соответствует действительности. Смахивает на инсценировку. За неделю до 11 сентября на бирже начались махинации, которые квалифицировались как «злоупотребление осведомленностью». Кто-то знал, чьи самолеты будут задействованы в теракте, и использовал эти сведения. Фактов, позволяющих усомниться в официальных версиях происшедшего, предостаточно. Разрушение башен-близнецов не могло быть следствием тарана. Это результат взрыва в самих башнях. Да и Пентагон не таранил «Боинг». Здание, похоже, поразила ракета. Теракт списали на своего агента — сотрудника ЦРУ Бен Ладена. Вряд ли человек, прятаясь в афганских пещерах, задумал, спланировал и реализовал такой сложный теракт. Его роль была в том, чтобы появляться на телеэкранах в арабских странах и заявлять: «Да, это сделал я». Как говорят у нас в Одессе, «у них есть деньги, чтобы так себя вести».

Кирилл смотрит на часы: «Почти два, а в шесть подъем».

После морозной прогулки приятно возвращаться в отель. Зал, где отдыхали охотники, слабо освещен, столы убраны. Я поднимаюсь в свой номер и ложусь. В окне видны верхушки спящего леса. Как же я люблю эту тихую зимнюю ночь!

По опыту знаю: чтобы быстро уснуть, нужно расслабиться, замедлить дыхание и отпустить мысли в свободное плавание. Но это оказывается не так просто. Сквозь окно видна чернота космоса, где демонстративно и настойчиво одиноко дрейфует Луна. По мнению Кирилла, туда вряд ли ступала нога человека.

Я думаю: огорчен ли я? Мысленно переносюсь в 1969 год, когда мир облетело известие — астронавты побывали на Луне. Слова Нила Армстронга, первого человека, ступившего на Луну: «Это маленький шаг для человека, но огромный скачок для человечества». А что, если это действительно мистификация?

Но, как известно, сколько веревочке ни виться, конец будет. У лжи, как у медали, две стороны. Однажды все может перевернуться, и эта слава выйдет боком. Нужно ждать. Развеять сомнения можно, лишь слетав на Луну снова, думаю засыпая...

Шум за стеной разбудил меня. По трубам течет вода, слышны знакомые голоса. Протираю глаза, поднимаюсь и встаю под холодный душ, чтобы взбодрить тело и прогнать остатки сна.

На первом этаже у ресепшен молодой чернявый крендель говорит громко, чтобы все слышали.

— На лося лицензия закрыта. Охотимся только на кабана. — Сделав паузу, чтобы убедиться — информация дошла до ушей слушателей, — продолжает: — Ваша цель — кабан-секач.

— А сеголетку?

— Можно. Но свинью — нельзя, — говорит решительно. Но ломкий голос по-мальчишески подрагивает, колеблется, становится высоким и пронзительным, словно у путника в ночном лесу, который от страха начинает петь. Неудивительно — сегодня у него дебют в качестве руководителя охоты.

— Можно бить пулей и картечью, — продолжает он. И, посмотрев на меня, предлагает вписать оружие в журнал и расписаться. Затем нас сажают по машинам. Одного охотника мы не досчитались. Барон перебрал за ужином и спал без задних ног — из пушки не разбудишь. Решили не тревожить.

Съехав с киевской трассы, едем по раздолбленной дороге. Километров через десять, на развилке, стоят две «буханки» (УАЗ – 452). И какие-то люди в военных бушлатах. Остановились. Это наши помощники, мужики из ближайших деревень. Работы в округе нет. А тут москвичи приехали — есть шанс хоть что-то заработать. Обнюхивая новеньких, бегают игристые лайки. Безрукий егерь с ружьем за спиной, все звали его Митрофанычем (позже узнал: он пострадал, спасая женщину из-под поезда), предложил построиться в шеренгу, оценивающе оглядел нашу экипировку, спросил, есть ли охотничьи билеты. «А то случай был. Приехали с навороченными ружьями, а элементарных правил не знали — опасно, так и до беды недалеко».

Инструктаж завершен. Митрофаныч, закинув ружье за плечо, садится на снегоход. Остальные с лайками забираются в старые скрипучие «буханки». Машины трогаются и, подпрыгивая на колдобинах, направляются в лес.

В загон я не иду — это не входит в мои планы. Объясняю, что подвернул ногу, выходя из машины. С тех пор как я побывал на войне, мне даже комара убить неприятно, а уж тем более зверя. Охотники уезжают в угоды, чтобы распределиться по номерам. На стоянке остаемся я и Кузьмич, местным житель лет сорока. Знакомимся. До недавнего времени он работал шофером у частника, владельца молочной фермы.

— А сейчас почему не работаешь? — интересуюсь я.

— Хозяин оказался честным, — насмешливо отвечает Кузьмич. — Не стал молоко бодяжить. От пальмового масла отказался. Результат — хозяйство обанкротилось. Дельцы скупили землю — и я остался без работы.

— Да, такое сейчас происходит повсеместно, — соглашаюсь я. — Все хотят любой ценой разбогатеть. Как будто счастье в деньгах.

Кузьмич берет топор и идет за дровами для костра. Сухих деревьев на земле хватает. Я начинаю расчищать место для костра, собирая мелкие веточки, сучья и щепу для растопки. Вскоре Кузьмич возвращается с поленьями. Мы укладываем их шалашиком и поджигаем. Щепки обугливаются, начинают тлеть, ленивый дымок поднимается в небо — процесс пошел.

Запах костра наполняет атмосферу теплом и спокойствием. Лес погружается в тишину, нарушаемую лишь потрескиванием сухих веток. Я подбрасываю хворост, слушая Кузьмича. Устанавливая треногу для казана, он рассказывает об ожесточенных боях, которые проходили в этих местах.

— Когда пришли немцы, они установили строгий режим, — говорит он. — Все их объявления заканчивались словами: «... за невыполнение — расстрел». К счастью, оккупация длилась недолго. Но зверств они натворить успели, сволочи.

— Война... да, жестокое кровопролитие, — произношу я, прикрывая глаза от дыма. — Все время на краю ходим. Замечаешь? Ничему не научились. Вот Украина...

— Эх, как такое возможно, — откликается он. — Столько лет вместе жили, перемешались, делили радости и горе. А теперь врагами стали. Крым их обижают? Как он им достался? Они его что, завоевали или купили? Хрущев, не спросив у крымчан, хотят они этого или нет, «подарил» его вместе с людьми, как крепостных. Это справедливо? Я считаю, правильно, что он вернулся. Читал: янки на него глаз положили. Им наша база в Севастополе мешала, грезились. Мечтали: мы уйдем — они туда.

— Геополитика, — отвечаю я. — Конкурентная борьба была и будет. Еще Отто Бисмарк говорил, что для ослабления России нужно оторвать Украину, стравить две части одного народа. Для этого, по его мнению, надо взрастить предателей среди элиты и с их помощью изменить самосознание части народа до ненависти ко всему русскому. Время показало, что это возможно.

Кузьмич молчит, а я добавляю:

— Но я бы не стал драматизировать. Даже у горького пьяницы после попойки наступает прозрение. История развивается по спирали. Впереди — новая Переяславская рада, помани мое слово.

— А Запад? — спрашивает он.

— У них русофобия в крови. Они всегда поддерживали тех, кто против нас. Во время войны в Чечне кого поддерживали? Боевиков, бандитов. А как только пришли Кадыров-старший и Рамзан, так сразу обрушились на них. Ничего нового. Достаточно почитать английские газеты двухсотлетней давности, чтобы понять: их политика не изменилась.

— У меня под Харьковом тетя живет, — продолжает Кузьмич. — Ездили как-то с женой навестить. Обрадовалась, стол накрыла, родственники собрались. Сидим, разговариваем. Вдруг один из них просит меня подойти. Подошел. Он и говорит хвастливо:

— «Нам обицали: як мы вийдемо вид москалив, тоди кожному украинцу дадуть гроши — золото гетьмана Павла Полуботка, яке знаходиться в банки Лондона. Я не полинувався, пидрухував. Кожному украинцу дадуть майже 40 килограмив золота. А ще е вийскова скарб-ниця Запоризской Сичи».

Я возьми да и скажи ему:

— Не видать вам золота, как своих ушей.

Так он и закатил истерику, с пеной у рта стал доказывать свою правоту.

Я подбрасываю щепу в огонь и говорю, что дурень думкой богатеет. Кузьмич кивает и продолжает:

— А потом он мне говорит: «Скажи «паляница». Пристал, говори, да говори. Так доколу-пался, что мы подрались. Поднялась ссора. Тетка плачет. Еле ноги унесли. А недавно по телевизору услышал слова Вольфовича об украинцах. Говорил, что они странные люди: молятся на европейцев, работают на евреев, умирают за американцев и за все это ненавидят русских. Понял: у них мозги набекрень.

Костер разгорается ярко, согревая всполохами оранжевых языков. Искрятся ветки, из костра «выстреливает» ель. Приятно пахнет дымом.

Неожиданно вдали гроыхает выстрел. Второй. Третий. Вскоре слышится звук рожка. Конец охоте. Подъезжают «буханки». Из машин выходят охотники, высказывают две лайки — одна остается лежать на полу. Хозяин, низкорослый с простодушным лицом сельчанин, ласково тербит ее морду.

— Заживет, дуреха, — успокаивает он. — Смелая. Близко подошла к секачу, он и боднул ее клыком. К счастью, рана не глубокая. Обработаю — заживет.

Он бережно выносит собаку из машины. На полу остаются два щетинистых трофея — черно-бурого цвета с желтоватой примесью кабана. Стоячие длинные уши, острые клыки по двадцать сантиметров — даже неживыми они выглядят устрашающе.

«Под двести каждый», — говорит егерь, командуя выносить трофей.

Много лет назад мой однокашник по военному училищу Василий Буланов — заядлый охотник — пригласил меня в Вильнюс. В один из дней ему удалось заманить меня на охоту. Чтобы не стрелять, я попросился в загон. Шел по лесу с жердиной и кричал что есть силы — была у меня в то время потребность накричаться вволю. Впереди — молодой литовец с карабином наперевес, малолетним сыном и двумя шустрými лайками. Неожиданно они опускают морды и кидаются в заросли орешника. Лай, гавканье и крик бегущего дикого зверя. Выстрел. Кабан валится на бок, лайки с яростью набрасываются на неподвижного зверя, пытаясь укусить. В это время из кустов выбегает еще один секач и несется на меня. Я пячусь — и упираюсь спиной в дерево. Зверь в двух шагах от меня. Я подпрыгиваю с перепугу, изворачиваюсь и в прыжке бью ногой по кабаньей заднице. Взвизгнув, кабан бросается в сторону кустов. Охотник, державший все это время кабана на мушке, стрелять не стал — я был с ним

на одной линии огня. Он опустил ружье и рассмеялся: «Столько лет охочусь, но чтобы кто-то отвесил пенделя дикой свинье — такое впервые!»

Мне тогда было не до смеха. С ужасом представил, что могло случиться, не увернись вовремя.

Двое мужиков ошкуривали добычу, ловко разделявая мясо, делили поровну на всех участников охоты. Собаки лакомились свиными потрохами. Кузьмич подрумянивал печенку и сердце. Воздух был пропитан жареным мясом. Приехал Барон. Он выспался и выглядел молодцевато. «Ой, как вкусно пахнет! — обрадовался он. — А не пропустить ли по рюмашке. Полагается, когда добыли на крови... А что проспал, извините. Исправлюсь. В следующий раз предлагаю съездить на утку. Подсадные утки — за мной. Где взять, знаю».

Возражать не стали. Ради смеха, Барона назначили главным стрелком и воткнули в шапку еловую веточку.

Костер догорал, смеркалось. Разделив мясо, погасив огонь и договорившись весной поехать на утку, собрались в дорогу. Я вспомнил, что у меня остался не решенным один вопрос и, увидев Кирилла Бахтина, беседовавшего о чем-то оживленно с егерем, подошел к ним.... В Москву возвращался в приподнятом настроении. Согласие бывшего секретного агента приоткрыть кое-что из своей прошлой жизни получено. Встретимся после его зарубежной поездки.

Верный своему обещанию, он спустя время позвонил и пригласил к себе в Переделкино. Я приехал по указанному адресу. За зеленым деревянным забором виднелись качающиеся верхушки деревьев. Толкнув калитку, — не заперта — оказываюсь во дворе. В дальнем конце в окружении высоких сосен дом с большими стрельчатыми окнами и балкончиком, увитым виноградной лозой с зеленоватыми плодами. Пешеходная дорожка уложена натуральным природным камнем. У двери дома — две большие вазы. Во всем улавливался средиземноморский стиль.

Кирилла застал за обрезкой садовых роз. Он стоял на коленях, держа в руках секатор. «Обрезка роз, — сказал он поднимаясь, — залог их пышного цветения и хорошего роста. Важно проводить ее правильно, иначе можно погубить растение».

Я подождал, пока он довершит обрезку куста, и мы пошли на террасу, пристроенную к дому, где по соседству цвели, словно покрытые белоснежным покровом, вишни, яблони и сирень. Деревья вызвали восхищение нежной красотой.

— Чай, кофе? — спросила супруга Кирилла Екатерина. Выглядела она моложе своего благоверного, весьма привлекательна, сдержанна в манерах.

— Двойной кофе, если можно.

— Сахар, мед? Его нам привозят друзья с Алтая. Обладает целебными свойствами.

— Кто же откажется от меда?! — согласился я.

Вскоре она вернулась с подносом. Я попробовал мед с видом знатока, который пытается оценить его свойства. Мед слегка перчил, значит, настоящий, вспомнил я когда-то услышанный совет, как правильно выбрать настоящий мед и отличить подделку. Отпил кофе и почувствовал, что вкус его потускнел и потерялся из-за меда.

Екатерина пошла в дом и вскоре вернулась со спиртным в сервировочной корзине.

— Что будем пить? — спросил Кирилл.

Памятуя о цели своего визита, соглашаюсь на бокал красного сухого. Кирилл улыбнулся, взял бутылку, горлышко коей залито сургучом, прочитал этикетку, ножом снял сургуч с бутылки, осторожно соскреб чешуйки и, вогнав штопор, со звуком извлек пробку. Приблизил к носу. Вдохнул. «Замечательно! Великие красные вина Бордо!» — сказал он. Мне было интересно наблюдать за ним, как этот сноб обращается с вином. Это была другая эстетика. Прослужив в армии не один десяток лет и побывав не на одном застолье, я не привык к церемонности. В армейской среде не признается помпезность. Все должно быть лаконичным, как воинский устав. Короткий тост. Хлопнули и снова тост, чтобы между первой и второй муха не

пролетела. Да и водку никто бы не додумался переливать из бутылки в декантер — специальный графин, чтобы, как он выразился, дать вино «подышать». Налив на глаз в бокал и покрутив его, со словами «прелюдия не только женщинам приятна», подмигнул и протянул бокал мне, предлагая попробовать. Катерина шуточно хлопнула его по плечу: «Седины на висках, а все про любовь... О чем еще могут говорить мужчины?! Не буду вам мешать», — сказала она и пошла в дом.

— А я предпочитаю виски, — сказал Кирилл, бросая кусочки льда в стакан. Промочив горло, он откинулся в кресле и предложил мне включить диктофон. Я привел в действие свое цифровое звукозаписывающее устройство, и он начал свой рассказ: «Родился в солнечной Одессе. На Молдаванке. Среди евреев. И этот факт сыграл решающую роль в моей судьбе».

Предки Кирилла по материнской линии происходили из греческого рода, поселившегося в Одессе в царствование Екатерины II. Они покинули Османскую империю, эмигрировав в Россию. Принимали участие в Крымской войне. Один из них служил на прославленном бриге «Меркурий». В честь него деда Кирилла называли Александром, но все звали его Санчо или на русский манер Александром. Родился он в год коронации на царство Николая II. В жены взял черноморскую казачку. Кирилл смутно помнил ее. Она умерла, когда он был ребенком. Запомнил лишь ее силуэт: яркие расцветки ткани, много блестящих украшений, юбок, платков, косынок. Была она богобоязненной. Показаться на людях с непокрытой головой считала неприличным. Чулки даже летом носила. Отец Кирилла из донских казаков, после окончания транспортного института в Москве приехал в Одессу по распределению и работал механиком на корабле дальнего плавания, затем перешел на круизное судно. «Жили мы на Молдаванке. Кто там только не жил! Евреи, поляки, молдаване, украинцы, русские, цыгане. В речи мешались разные языки, непременно идиш, с десяток — два слов и выражений знал почти каждый. В семье говорили правильно (мама преподавала русский язык и литературу в школе), но всегда было, где послушать и другую речь».

Временами Кирилл прерывал рассказ и предлагал выпить. Он следил за тем, чтобы мой бокал был полон. Потягивая вино, я наблюдал, как оно искрится, и внимательно слушал своего собеседника, изредка уточняя детали его рассказа.

Домой вернулся за полночь. В голове коктейль из биографии секретного агента. И если бы не диктофон, я никогда не смог бы вывести из фактов и событий стройную историю его жизни.

Глава 3

196... год. В Одессе бархатный сезон. Уже не так жарко, как летом, но еще довольно тепло. Чистый осенний пляж, прозрачное море, на небе нет ни одной тучки. Как тут не искупаться?! Вдруг резко подул холодный морской ветер и пошел дождь. Я промок. Продрог. И теперь у меня постельный режим. Мама ставит мне банки, горчичники; перед сном — картофельная ингаляция, а сейчас она принесет черную редьку с медом от кашля. Я не хочу ее есть. Мне не нравится ее мерзкий запах.

Звонок в дверь. Слышу мамин голос. И ее слова, что ко мне нельзя, у меня постельный режим. Потом она входит в комнату и подает свернутый лист из школьной тетрадки в клеточку. Говорит: «Пилуша приходил, сожалел, что ты пропустишь репетицию. Пожелал не залеживаться и скорейшего выздоровления». Она уходит, я читаю записку. «Поздравляю! Иосиф Давидович утвердил тебя на роль красноармейца. Ждем, твой Илья».

Илья Зельдович — мой друг и одноклассник. Он живет в нашем дворе. Когда он был маленьким, на вопрос, как тебя зовут, мальчик отвечал: «Пилуша». Так и осталось за ним это второе имя. Мама любит вспоминать, как однажды малышом он спросил у нее: «Тетя Клава, можно я оставлю у вас игрушки на время?» — «А что случилось, Илюша?» — «Да брата из роддома привезли. Неизвестно еще, что за человек».

— Мама! – зову я. — Давай редьку.

Омерзительная редька и глубокое прогревание сделали свое дело. Вскоре я встаю на ноги и могу посещать репетиции.

... Сделав уроки, мы с Ильей мчимся репетировать в школьном спектакле, который приурочен к очередной годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Самодельная пьеса о классовой борьбе с кулачеством. В подготовке декораций и костюмов нам помогают родители. В спектакле я не просто красноармеец — комиссар продотряда, который участвует в продразверстке. Жителям нечего есть, не хватает продовольствия в армии. Я со своим отрядом должен изъять излишки продовольствия у деревенской буржуазии. На кожаной тужурке у меня красный бант. В деревянной кобуре — маузер. У Ильи роль зажиточного буржуя, который укрывал излишки хлеба. Я должен надавать другу тумачков за саботаж и нежелание делиться с рабочими продовольствием, чего мне не хочется делать.

— Не верю, — говорит школьный режиссер Иосиф Давидович, наш учитель географии.

«Извини, друг, — проносится в голове, — мне ничего не остается, как сыграть роль настоящего».

— Получай, буржуй, — говорю я и смачно бью Илью по щеке, которая тут же краснеет.

— Жизненная правда на сцене — один из главных принципов системы Станиславского, — поощрительно говорит учитель-режиссер.

Илья обиженно смотрит на меня глазами, полными слез. Ему больно.

— Прости, — шепчу я. — Ты же сам захотел быть буржуем.

Возвращаемся домой. По дороге — киоск с газированной водой. Останавливаемся. Чистая газировка стоит копейку, с сиропом — три. Берем по стакану «чистой» и один с сиропом, который поровну разливаем по стаканам. Вода холодная и вкусная. Илья пьет медленно, наслаждаясь. Я — залпом. Он неодобрительно смотрит. «Не волнуйся, — говорю я. — В отличие от тебя мне не нужно петь в хоре (меня попросили из хора за то, что я, не зная слов, имитировал пение, открывая рот. - Прим.). А за пощечину прости. Не рассчитал. Перестарался».

Вот и мой дом. Вхожу в квартиру и вижу: дверца клетки для попугая открыта. Зову: «Зефирка!» Обычно попугай отзывался и, прилетев, садился мне на плечо. Но сейчас всеобщего любимца нет нигде. Обращаю внимание на открытую форточку. Сердце ёкает. Пронзает

мысль — попугай улетел. Волнение овладевает мной. Нужно искать улетевшую птицу. Выбегаю во двор. «Ты куда?» — высунувшись из окна, кричит Илья.

— Искать Зефирку. Попугай упорхнул в окно.

— Я с тобой!

Волнистого попугая привез отец из Египта. Пернатый питомец спокойно вылетал из своей клетки и возвращался без сторонней помощи. Мог присесть на голову или плечо. Мы с дедом научили его говорить: «Дай поцелую. Ты мне нравишься. Дай шампанского» и многим другим словам. Зефирка был настоящей птицей Говорун, а не волнистым попугаем.

Подходит Илья, на ходу заправляя рубашку в штаны. Обходим ближайшие дворы. Зефирки нигде нет. Потеряв надежду найти попугая, возвращаемся домой. Возле школьного стадиона — группа старшеклассников. У одного из них, хромого Беса, — мой Зефирка. Обрадовавшись, протягиваю руку, чтобы взять птицу. Но Бес отталкивает руку. «Твой?» — спрашивает он. — «Да». — «Гони деньги». — «Он же мой». — «Что упало, то пропало. Был твой — теперь мой», — невозмутимо говорит Бес. — «Денег нет». — «А мне какое дело?!» — «Хорошо. Сколько?» — Бес обводит взглядом свою компанию и, гадко улыбаясь, говорит: «Чирик».

Я подсвистнул от удивления. Таких денег у меня нет, и где их взять, я не знаю. Родителей дома нет. Дед, который всегда пошел бы мне навстречу, уехал в деревню к своим пчелам. Я стою растерян и не знаю, что мне делать.

— У меня есть, — тихо говорит Илья, по-дружески хлопая меня по плечу. — Я же буржуй, — улыбается он.

Мы сгоняли к нему домой. Взяли деньги и вернулись. Я протянул их Бесу. Он взял розово-красный червонец и стал картинно его рассматривать на солнце. Потом положил в карман.

— Гони попугая, — говорю я.

— А попугая нет, — смеется он, засовывая руки в карманы и нагло глядя мне в глаза.

— Как нет?

— Улетел, взял и улетел, — говорит он, и, запрокинув голову, скалится. Друзья его прыскают со смеха.

— Возвращай червонец, — говорю я и протягиваю руку к его карману. В это время кто-то сзади бьет меня под коленки. Мои ноги подкашиваются, и я приседаю. Бес ударяет коленкой мне прямо в нос, а кулаком наносит удар по голове. Илье тоже достается за компанию. У него с носа капает кровь.

Дождавшись вечера, я пробираюсь домой, чтобы не видели родные. Беру тетрадь и пишу: «Не успокоюсь, пока не дам сдачи хромоту Бесу. Если это не произойдет, я потеряю лицо и не смогу с этим позором жить». Долго лежу, не смыкая глаз, думаю, что я сделаю со своим обидчиком. В эти минуты я боюсь самого себя. Гнев сочится сквозь меня. Я рисую в воображении жестокие картины казни своего обидчика. И от этого мне становится легче.

Утром меня будит мама. Она входит в комнату и видит меня во всей красе. Сокрушается и расспрашивает, что случилось. Я не отвечаю. Одеваюсь и ухожу в спортивную школу. Еще рано, и сторож говорит, что секция откроется в одиннадцать часов, а вечером — в шесть.

Сажусь на лавочку и жду. Вскоре появляются спортсмены с рюкзаками и ранцами. Во время разминки вхожу в зал бокса. Белобрысый тренер со стрижкой бобриком раздает команды, а спортсмены выполняют прыжки со скакалкой. Я стою у стены и жду, когда тренер обратит на меня внимание. Наконец он подходит и внимательно рассматривает лицо.

— Хватит терпения? — спрашивает.

Я утвердительно киваю.

— Бегом в раздевалку, — хлопая по плечу, говорит он.

Возвращаюсь. Тренер предлагает мне надеть перчатки, подводит к висевшей на крюке цилиндрической боксерской груше, становится в стойку, сжав кулаки; левую руку подносит к носу, правую к подбородку и показывает простейшую комбинацию — «двоечку».

— Ничего сложного, — говорит он. —левой! — Он выбрасывает руку вперед, — и правой! — хлестко всаживает кулак в боксерскую грушу. — Понял?.. Повторишь до пота.

Он отходит — я начинаю бить. Иногда тренер подходит, делает замечания. «Кулак жестче, доворачивай правую руку», — подсказывает он. С меня льется пот. Я все бью и бью, и на груше от моих попаданий в одно и то же место образовалась вмятина.

— Хватит, — слышу я. — А теперь на ринг, — говорит тренер. — Слава, — зовет он паренька моего возраста и телосложения. — Проверь, — говорит он подмигивая. Тот понимающе улыбается.

Нечестно, проносится в голове. Позже я узнал, что так проверяется желание заниматься боксом. Естественный отсев. Большинство уходило после первых трудностей. Надолго не хватало. Тренер не хотел возиться с «временщиками», терять зря время.

Удары сыпятся то в лоб, то в нос, то в ухо. От оплеухи в скулу — мурашки в глазах. Тренировка прекратилась, спортсмены наблюдают за нами, дают советы. И голос тренера. «Левую руку выше. Сам бей», — подсказывает он. Да куда там бей, пока я делаю замах, мой оппонент пригибается и откуда-то снизу наносит удар, которого я не жду, а только чувствую на своем теле. — «Давай сдачи. Не убегай. Наноси удары», — доносится снизу.

Наконец кошмар закончился. Снимаю перчатки, руки мои дрожат от усталости. Дыхание учащенное. Сердце готово выскочить из груди.

Подходит тренер.

— Он надрал тебе задницу. И знаешь почему? Потому что он бьется, а ты — нет. Весь секрет в том, что надо научиться драться — бить! Для победы нужна агрессия. Запомни: агрессия! — повторяет он.

После тренировки в раздевалке в зеркале — мое обновленное лицо, вчерашние удары освежились, и теперь я выгляжу разрисованным индейцем.

— Не грусти, — говорит высокий худощавый спортсмен с длинными руками. — Все через это проходили. Если желание не пропало — будешь заниматься. Главное сделать первый шаг — он определит последующий. Сегодня у тебя не было шанса. У него кличка «Попенченко». Слышал о таком боксере?

— Слышал, — говорю я.

Дома меня ждет вся семья. Даже дед Санчо подтянулся. В прошлом известный портовый боец не смог отказать себе в удовольствии посмотреть на побывавшего в передраге внука.

— Похоже, сегодня не твой день! — говорит дед, привставая, чтобы лучше рассмотреть мое разукрашенное лицо. — Рассказывай, что случилось?

— В секцию бокса записался, — отвечаю уклончиво.

Дед улыбается: «Мой юный друг, запомни — не каждый день удачный. — Вынув из кармана деньги, протягивает их мне: — Сходи в аптеку, купи бадягу. Она поможет убрать гематому. Залечит ссадины и ушибы. Верное средство. Проверено на себе».

Три месяца я с усердием, достойным лучшего применения, бью грушу, спаррингую с «Попенченко», учусь у него ныркам и ударам через руку правой в голову. И тренер выставляет меня на соревнования. Я побеждаю троих, в финале мне достается перворазрядник. Раздельным решением судей я проиграл, занял второе место. Но тренер доволен мной, потирает ладошки, и команда радуется за меня. В следующем году становлюсь чемпионом Одесской области по боксу среди школьников.

Последние зимние вздохи, город просыпается от зимней спячки. Снег, еще лежащий на улицах, начинает таять под первыми солнечными лучами, создавая лужи, в которых отражается серое, но уже чуть более теплое небо. Воздух свежий, но с оттенком весеннего ожидания.

Ветер, холодный, но не такой жестокий, как раньше, несет с собой запах земли и туманного утра. Люди, привыкшие к зимнему ритму, теперь спешат, будто ощущают приближение перемен. Город наполняется звуками: первые шаги по грязным тротуарам, запахи из кафе, шорох листвы, еще не отошедшей от зимы. Все как в ожидании чего-то нового, но еще не вполне пришедшего.

Что может быть лучше весны? Дед мой считает весну лучшей порой года. Потому что весна — самое долгожданное время для пчеловода. Весной он по уши погружается в работу, и я мысленно представляю, как он хлопочет сейчас возле ульев, подготавливая пчелиные семьи к выпасу. А когда установит ульи на точке, будет любоваться первым весенним облетом пчел. Летом он вывозит пчел на выпас, и я люблю бывать у него. Мы кочуем с места на место. Дед знает медоносные травы, когда цветут акация, гречиха, подсолнухи. Спим среди пчелиных ульев, накрывшись сеткой. Просыпаемся бодрыми, полными сил.

— Эй! — слышу я крик. — Купи попугая... Продам дешево...

Моя голова поворачивается на зов. И я вижу ублюдка Беса. У меня будто что-то шелкает внутри. Подхожу. С ним его дружки. На земле среди окурков валяется пустая бутылка из-под крепленого вина «Солнцедар». Хромой Бес, ослабившись, смотрит насмешливо. В его компании Орешкин, я знаком с ним по секции бокса. Здравуемся. Поворачиваюсь к Бесу и говорю спокойным голосом: «Готов вернуть должок».

— Чего?! — удивляется Бес. — Какой долг? — и смотрит шутливо на друзей, приглашая позубоскалить.

— За попугая, — говорю, глядя в его мутные глаза. — Извинишься — прощу.

Такой дерзости от меня Бес явно не ждал. И какое-то время он озадаченно смотрит на меня. Заметно волнуется, подозрительно озираясь по сторонам, нет ли там еще кого-нибудь? Бывало: мелюзга задирается, а здоровые пацаны наблюдают со стороны, готовые вмешаться, если потребуется помощь. Убедившись, что поблизости нет никого, угрожающе шипит: «Сам напросился».

Прошу Орешкина побыть рефери и беру инициативу в свои руки, толкаю Беса в грудь. Он тут же, как племенной бык, бросается на меня, что мне на руку. Сделав шаг назад, я резко выбрасываю правую руку навстречу и чувствую, как мой кулак влетает ему в подбородок, и он валится словно сноп.

— Бес, поднимайся. Врежь ему как следует, — кричит чернявый парень под мухой с глазами завсегдатая азартных развлечений.

Я ловлю кураж и подзадориваю Беса, призывая встать: «Давай, Бес, врежь, не бойся».

Он медленно поднимается. Окидывает всех бешеным взглядом. Идет на меня. И снова падает. Его лицо становится пунцовым, из носа сочится кровь. Он смахивает ее рукой и вытирает о рубашку. Краем глаза успеваю увидеть вопросительно-восторженные глаза Ильи, который тоже здесь. Чувствую его поддержку.

Когда Бес ложится в очередной раз, я наклоняюсь к нему и предлагаю признать, что был не прав.

— Твоя взяла, — говорит, пряча взгляд.

Мы уходим.

— Зачем полез в драку? — спрашивает Илья. — Ты один, а их много. Могли побить.

— Могли. Но не побили. Спасибо, что был рядом.

На душе вдвойне приятно. Друг не сдрейфил, не бросил. Я обнял его.

... Теплый майский день. Цветет сирень. В городском парке танцы под открытым небом. Для нас с Ильей танцы — основной вид досуга в выходные дни. А в кинотеатр мы ходим по будням, пропуская занятия в школе. Танцы привлекали и тянули нас как магнит. Девушки в юбках в обтяжку, почти мини, и водолазках, плотно облегающих тело. Некоторые без лифчика. Что не могло не волновать нас, заставляя пульсировать кровь и чаще биться сердце.

В тот вечер сэкономить не удалось. Знакомый народный дружинник куда-то исчез. Чтобы попасть на танцплощадку, пришлось купить билеты по 50 копеек. Протискиваемся внутрь. Ансамбль только что исполнил битловскую лирическую балладу «Girl» на русском языке: «Я хочу вам рассказать, как я любил когда-то, правда, это было так давно» и настраивал инструменты. Чтобы публика не скучала, барабанщик палочками громко выбивает сумасшедшую дробь. Стучат друг о друга тарелки. Струны гитары имитируют ржание лошади. И вдруг взрываются громким динамичным ритмом хали-гали. Асфальтовое покрытие под ногами гудит от энергичных танцевальных движений, и мы с Ильей вливаемся в толпу танцующих.

Стемнело, на небе высыпали звезды, но танцы продолжаются. В голове крутятся слова полюбившейся песни: «Помню, брел я как-то ночью по аллеям сада, чтоб шепнуть в раскрытое окно: Ге-еол, ге-еол...» Объявляют белый танец. Ко мне подходит знакомая рыжая, в веснушках девушка. Она постоянно меня приглашает, но имени ее я не знаю. Музыканты играют медляк «Дом восходящего солнца». Мы танцуем. Я слышу едва уловимый запах ее тела. Он волнует меня. Но я виду не показываю. Затем музыканты подряд играют шейк, твист и «Шизгара». Отчаянное веселье творится на танцполе. Девушки в окружении парней — я видел, как они распивали портвейн «777» (три семерки) — стали визжать. Парни с красными повязками («ДНД») просят прекратить крики. Среди них мой сосед Николай по кличке Бандера зовут его так: отец родом из Западной Украины. Николай — чемпион области по шашкам, несмотря на это, он очень закомплексованный человек. Свои комплексы пытается нейтрализовать в добровольной народной дружине. Завязывается потасовка. Музыканты перестают играть. Несколько человек ведут к выходу. До серьезной драки дело не дошло, и танцы продолжаются.

Вечер подходит к концу. Музыканты прощаются, играют последнюю мелодию. Мы идем к выходу. Но позитивные эмоции еще не израсходованы. Хочется танцевать. На остановке полно молодежи. Все ждут трамвая. Из репродуктора доносятся слова песни: «Для меня нет тебя прекрасней, но ловлю я твой взгляд напрасно. Как виденье неуловима, каждый день ты проходишь мимо». Две малолетние девчоночки старательно подпевают, пританцовывая.

Подходит компания молодых людей, среди которых выделяется девушка с толстой косой соломенного цвета и миловидным лицом. Напрягаюсь, ощущая прилив сил и легкость. Дальше мои действия не поддаются логике — сплошное ребячество. Она входит в подошедший трамвай не моего маршрута и приветливо машет рукой, прощаясь со своими друзьями, которые остались на остановке. «Разве это не шанс? Не упusti», — проносится в голове. Трамвай со скрипом трогается. Я бросаюсь следом, успев крикнуть Илье — не жди!

Догнав трамвай на следующей остановке, успеваю вбежать в заднюю дверь вагона. Она сидит впереди. Иду к ней. Навстречу — кондуктор. С ужасом вспоминаю, что карманы мои пусты. Деньги потрачены на танцевальный вечер. Но мне везет. Кондуктор живет в моем дворе. Ее окна напротив моих. Иногда я вижу, как она собирается на работу. Она узнает меня. Подмигивает: «О, Кирилл, как ты вырос!» И проходит мимо. Когда-то мы с Ильей ехали в трамвае, и тоже вошла она: «Ну шо, зайчики, — услышали мы знакомый голос, — оплачиваем проезд. У кого нема мелочи, шарим по карманам у соседей». Она видит Илью. «А ты, Илюша-Пилуша, песню спой. — И ко мне: — Чего стоишь?! Собирай деньги... Учитесь, пока тетя Цива жива».

За девушкой свободное место. Сажусь. Быстро и глубоко дышу ей в затылок. Бег наперегонки с трамваем сказался на моем дыхании. Она оборачивается. Смотрит строго светлосерыми глазами.

— Ты можешь не сопеть мне в уши?!

— Извини, сероглазая, не могу. Я только что побил мировой рекорд, соревнуясь с трамваем. Но почему-то нет аплодисментов?!

Девушка отворачивается. Вскоре трамвай останавливается, и она идет к выходу. Я — следом. Мне удастся ее разговорить. Знакомимся. «Лена Рассудовская», — говорит она, протягивая теплую руку. Я провожаю ее до подъезда, и мы договариваемся о встрече.

Однажды она пригласила меня к себе домой. Я купил цветы, конфеты с бегущей девушкой в розовом трико на коробке и, поднявшись на второй этаж старого дореволюционного кирпичного дома, жму кнопку звонка. Она открывает дверь. Увидев на стене надпись мелом «Ленка дура», хмурится.

— Какой придурок! — говорит она, стирая рукой текст.

— Кто?

— Да не ты.

Я переступаю порог и слышу знакомый голос: «Дай шампанского, старый идиот». От неожиданности я вздрагиваю.

— Знакомся, это мой Кеша, — говорит она и, подойдя к клетке, открывает дверцу. Попугай стремительно вылетает и, облетев комнату, садится мне на плечо.

— Не бойся, Кеша дружелюбный. Он не пугается людей. Скажи: «Кеша хороший».

Мне ничего не остается, как повторить за ней:

— Кеша хороший, — говорю я глухим голосом. И спрашиваю: — Купила?

— Хромой Бес подарил. Раньше я встречалась с ним.

— Нравится?

— Очень.

— А Бес?

— Нет. У него голова соломой набита. Три извилины в мозгу. Иногда крыша едет. Таких не люблю. Вот он и бесится. Надпись на стене — его рук дело.

Я был влюблен в нее без оглядки. Можно сказать, потерял голову. Даже от попугая отказался — предал друга. Чтобы ее не огорчать, не стал говорить, что Кеша — это мой Зефирка. Ради нее я решил стать радиохулиганом, даже позывной придумал — «Рапсодия». Осталось найти радиопередатчик. Поделился идеей с Ильей. Он вызвался помочь мне, вспомнив о Марике, который давно занимается радиолюбительством, собирает и разбирает радиоприемники с закрытыми глазами. «Гений! Он лудит, паяет сутками с перерывом на учебу в музыкальной школе». И предложил встретиться с ним.

После уроков мы идем в музыкалку и ждем Марика на лавочке, пока закончатся занятия. Рядом сидят пожилой мужчина и среднего возраста женщина в рыжей шляпе, украшенной крупным розовым бантом, и о чем-то беседуют. По дорожке, медленно шаркая ногами, идет старик в потертом пальто и кепке.

— Семен Абрамович, здрасте! — зовет женщина. — Та куда вы так идете?

— Так я иду в сторону сберкассы.

— А шо вам надо? У вас много денег?

— Та шо вы говорите, Леечка... Какие деньги?!.. Я всю жизнь продавал воду... Иду для того, чтобы снять пенсию и отправить внуку-студенту... Весна. Ему нужны витамины. Он-таки у нас умный. Знает много языков ...

— Может, вам повезет, и вы выиграете в лотерею?

— Азохн вэй! Не с нашим счастьем.

Мы с Ильей от души веселимся, слушая их диалог, так как знакомы с чудаковатым внуком-студентом.

Наконец появляется Марик. Я рассказываю ему о своей идее.

— Радиола есть? — интересуется Марик.

— Есть.

— Полдела, считай, сделано, — говорит он. — За мной приставка. Нужны две лампы 6 п 3 с. Я знаю, где их взять... Как скоро это надо?

— Уже сегодня, — шучу.

— Спешка нужна при ловле блох и когда трое едят из одной миски, но я постараюсь сделать быстро, — говорит он.

Дня через три он позвонил. Сказал, что радиопередатчик готов и его можно забрать. Мы едем к нему домой, но Илья забыл номер квартиры, и мы звоним из телефонной будки.

— Слушаю вас, — звучит скрипучий старческий голос.

— Здравствуйте, Ася Абрамовна, — говорит Илья.

— Здравствуйте!

— Марика пригласите, пожалуйста.

— А кто спрашивает?

— Илья.

— Какой Илья?

— Зельдович.

— Марик! — слышится в трубке. — Сейчас подойдет, — говорит Ася Абрамовна и кладет трубку.

Так повторяется до тех пор, пока у нас не заканчиваются двухкопеечные монеты. Узнав у соседей, в какой квартире живет Марик, мы звоним в дверь. Открывает Марик. «Не могли дозвониться. Бабуля все время кладет трубку... Монеты закончились. Пришлось соседей опрашивать».

— Возраст, — отвечает Марик.

— Кто там? — спрашивает знакомый скрипучий голос.

— Бабушка, это ко мне, — говорит Марик, приглашая нас войти.

... Ура! У меня есть свой радиопередатчик. Я радиохулиган. Включаю стереорадиолу «Симфония». Лампы накаливания излучают теплый свет. Я — в эфире. А в это время Илья ходит со «Спидолой» и говорит знакомым девчонкам, какой будет следующая песня. «Внимание! — говорю в микрофон, вынутый из домашнего телефона. — Всем свободным операторам! Работает и приглашает «Рапсодия», город Одесса... Я «Рапсодия», всем привет, привет! — разносится мой голос в эфире. — Все, кто меня слышит, ответьте. На приеме... Эти прекрасные мелодии посвящаю Лене Рассудовской, а также всем друзьям и знакомым — Илье, Марику, его бабушке Асе Абрамовне, кондуктору тете Циве и всем девушкам с хорошим музыкальным вкусом. Слышите меня?...»

Эх, золотые, чудные времена! Я включаю двухдорожечный магнитофон «Днепр». Приятный шелест бабины. Удивительно пронзительный баритон Володи Драного. Он поет дворовую песню: «... девушка с глазами цвета неба, счастье с волосами цвета льна». У него необыкновенный голос. Он взрослый, но очень маленького роста. Я беру у него уроки игры на гитаре. Правда, это не нравится его маме, толстой еврейке, которая одна воспитывает сына. Соседи ее невзлюбили из-за раздражительного характера — она всегда чем-то не довольна. Взрослые считали, что все из-за того, что у нее не было мужа. А сына она родила от куплетиста, жившего в соседнем дворе. Когда он проходил мимо ее окон, она вылиwała помои и смачно плевала ему вслед. Как-то Дранный во дворе исполнял одну из своих песен, среди слушателей выделялся тщедушного вида черноволосый, с седыми висками мужчина, неотрывно смотревший на певца грустными глазами, в которых читалась вселенская тоска. Но он так и не подошел к сыну, который тоже делал вид, что его не замечает. Мне трудно представить, что Дранный не знал, что этот безобидный человек, которому молва приписывала отцовство.

Сегодня не было урока физики — заболел преподаватель, и нас отпустили домой раньше. Илья хвалится, что купил новый диск «Роллинг Стоунз». Внезапно он останавливается и как-то странно, окидывая строгим взглядом, смотрит на меня.

— Ты, — говорит он, — влюбляешься, встречаешься, а выглядишь как?! Зеленые брюки, фиолетовая куртка, ты что, дальтоник? У тебя нет цветового зрения? А что за брюки?! А картуз! Только на паперти стоять. Бери пример с Драного — белая рубашка, бабочка. Маэстро! И все женщины обожают его.

Дранный действительно выглядел на все сто. Когда он в белой рубашке с бабочкой в горошек и в узких черных брюках пел во дворе своим пронзительным голосом: «А ночь дождлива и туманна, и темно кругом, мальчик маленький стоит, мечтает об одном. И он стоит, к стене прижатый, и на вид чуть-чуть горбатый, и поет на языке родном. Ой-ой-ой-ой, купите папиросы, подходите пехота и матросы, подходите, не жалейте, сироту меня согрейте, посмотрите — ноги мои босы...», — женщины, высываясь из окон, таяли от восторга, были без ума от голоса самодеятельного артиста. А некоторые, сильно жалостливые, проявляли желание временно «усыновить сироту». Согрей. К чему он относился сдержанно, воспринимая симпатию женщин как должное. Как спасибо за его талант!

— Нужен хороший портной, — говорю я.

— Чего-чего, а портного мы найдем. Есть такой. Григорий Гершель. Работает закройщиком в ателье по пошиву одежды. Мастер — золотые руки.

Я догадываюсь, почему Илья решил приодеться, сменить имидж. Дело не только во мне. Он влюбился в соседскую Зинку. И даже водил ее в рестораны.

На следующий день мы едем в ателье, которое расположено в центре города. Григорий Гершель, пожилой, полный, лысый, с густыми седыми бакенбардами, приветливый портной, пахнущий чудесным одеколоном.

— Я готов послушать за вашу просьбу, — говорит он, смиренно сложив руки на груди и окидывая пристальным взглядом.

— Так что вас ко мне привело? Хотите уникальных и красивых вещей? И у вас есть деньги, чтобы себя так вести? — интересуется, хитро щурясь.

Илья достает из кармана деньги.

— Нет, вы мне просто начинаете нравиться.

Выслушав нас, он удаляется в одну из комнат. Вскоре возвращается с несколькими отрезами.

— Посмотрите на этот материал. Чистая шерсть.

Материал черного цвета с приятным шелковистым блеском. Но Илье он почему-то не нравится, и он просит показать тот, что есть в запасниках мастера. Портной удаляется и вскоре выносит на выбор несколько образцов тканей. Илье приглянулась светлая ткань в полоску.

— Илюша, — обижается мастер, — не делай мне беременную голову! Мне-таки будет стыдно ходить с вами по одной Одессе. Слушайте меня...

Он предлагает, как он выразился, эксклюзивную импортную ткань, которую он берег для подходящего случая, и случай наконец представился. Авторитет мастера берет верх. Я выбираю коричневое полотно. Илья — черное в серую полоску. Чтобы как у чикагских гангстеров. «Это плохие мальчики, — говорит Григорий Гершель улыбаясь. — Но одевались они как ученики элитных школ. Предпочитали гладкие ткани — никакого твида или толстой английской шерсти. Популярностью пользовалась черная гладкая материя в мелкую вертикальную полоску с благородным шелковым блеском. Что касается цвета, то в основном это были оттенки синего, коричневого или серого. В Одессе так одевался Миша Япончик».

Рассказав о «джентльменских предпочтениях» плохих мальчиков, Григорий Гершель готов выслушать наши пожелания. Я заказываю пошить брюки-клеш и однобортный прилегающий пиджак с круглым вырезом без воротника. Такой я видел у солистов группы «Битлз».

— Хотите удлинить шею, молодой человек? — интересуется портной.

— Да.

— А брюки насколько увеличим снизу и заузим в коленях?

Я объясняю. Он оглядывает меня.

— Нет. Это не ваши пропорции. При вашем росте будете выглядеть вызывающе. Хотите, чтобы я вас улучшил? Слушайте меня.... Я вам сделаю так, что будет модно и красиво.

Он снимает мерки, записывая показатели в толстую тетрадь, и предлагает прийти за готовым костюмом через неделю. Зовёт Илью.

— А примерка? — невольно восклицаю я.

— Обижаете, молодой человек, — отвечает он и переключается на Илью. Пока он возится с ним, я листаю журнал «Мода стран социализма», в котором фотографии элегантных мужчин в костюмах и женщин с шляпками и перчатками. Наконец он заканчивает с Ильей и предлагает ему прийти в тот же день, что и мне.

— А раньше нельзя? — интересуется Илья. Но портной непреклонен.

— Вам бистро или чтоб рукава одинаковые?.. Запомните: спешка — враг любому делу.

Мы уходим, довольные, что сделали одно дело. Осталось купить туфли. Их идем заказывать к знакомому армянину-сапожнику Артуру. Его мастерская уютится в подвале пятиэтажки. Звоним в железную дверь. Выходит Артур. Илья приветствует его по-армянски.

— Барев, ахпер-джан, вонц эс ду, инч ка-чка, ахперес?

— Леха им! (Будем здоровы. Это как если бы пожелали, “чтоб мы все так жили, долго, весело и счастливо”), — отвечает Артур и предлагает прогуляться.

Артур невысокий, худощавый, одет аккуратно. Он смотрит на собеседника благожелательным, изучающим взглядом из-под густых бровей.

Мы рассказываем Артуру, что нас привело к нему. Он призадумывается и говорит насмешливо:

— Хорошие туфли — дефицит. Их можно купить у спекулянтов или у меня на заказ... Вы сделали правильный выбор, что обратились ко мне. Я сошью вам хорошие туфли из достойной кожи. Удобные и красивые... Туфли мечты! Лучше купить одну пару приличных туфель, чем три пары плохих...

Закончив спич, выразительно смотрит темными армянскими глазами, в которых виднеется искренность, забота и готовность сострадать людям. Но мы достаточно умные, чтобы не купиться на его слова, и решаем сбить цену.

— А дешевле нельзя? — спрашивает Илья.

— Ну ты посмотри на патриотов за мой счет, — говорит хозяин прекрасных глаз, опуская вниз густые брови. — Выбирайте и не торгуйтесь, чтобы я не передумал вам помочь.

— Жадина говядина — турецкий барабан, — говорит Илья. Но деваться некуда. Мы выбираем туфли от Артура, сумев все же снизить цену. «По рукам», — говорит он, великодушно пожимая нам руки.

Сегодня у нас день обновок. Мы забрали свои костюмы в мастерской Гершеля и ждем Артура, который должен подойти с минуты на минуту. «Смотри, смотри», — дергает меня Илья. Мимо уверенным широким шагом идет красotka. Короткое платье, высокие каблуки, прическа «бабетта» и густо накрашенные тушью ресницы. «Ничего себе шмара», — выдыхает Илья. Мы не сразу узнаем в ней нашу одноклассницу Квакину.

— Ша, мальчики, — говорит она, проходя мимо.

— Знакомимся на стороне, а своих не замечаем, — говорит ей вслед Илья.

Подходит Артур с баулом в руке — в нем наши туфли. Он расстегивает замок, и на свет появляются элегантные кожаные корочки с узким носом и высоким, немного скошенным каблуком. В придачу к туфлям он предлагает ярко-красные носки. «Писк моды, — говорит он. — Купить можно только у спекулянтов втридорога. А я по дружбе отдам». Он повторяет, как при первой встрече, свою страшилку, пугая высокой ценой. Как не взять?! Ярко-красных носков у нас еще не было.

Идем домой. «Как думаешь, почему Квакину раньше не рассмотрели?» — спрашивает Илья и тут же хлопает себя по лбу, вспомнив, что мать просила купить курицу. Мы несемся на ближайший рынок.

Илья пробирается к прилавку, где кудахчут куры, словно участвуют в опере. Рядом, как скала, стоит мужик с лицом, от которого мухи падают, и зазывает покупателей к рыбе. Дама, вся такая интеллигентная, как с картинки, в очках и с брошью в виде солнышка, подходит к нему и спрашивает:

— Скажите, любезный, а у вас есть какие-нибудь бумажки на эту рыбу?

Мужик, как будто его укусили, кричит:

— А шо вам надо, чтоб я вам свидетельство о смерти показал?

Дама морщит нос, словно перед ней выставили ношенные носки:

— Меня интересует только, когда вы ее из моря извлекли.

Рыбак бьет себя по колену, как будто слушает анекдот:

— Та вот же она, еще не успела на солнце высохнуть. Понюхайте, если сомневаетесь!

Илья — придирчивый покупатель. Забраковав одну курицу, он берет другую и тщательно осматривает ее со всех сторон. Подносит птицу ко рту, дует ей в заднюю часть туловища — пух расходится, обнажая куриный копчик. Рыжий продавец в резиновом фартуке в готовности отрубить курице голову терпеливо наблюдает за ним. Женщина с ярко окрашенными хной волосами высказывает свое восхищение. Я тоже приседаю в реверансе, а когда уходим, спрашиваю, что это было?

— Разве ты не знаешь? Прежде чем покупать курицу, нужно посмотреть копчик. Если он большой — курица жирная. Значит лучше, чем худая, — делится он секретом.

Дома я надеваю все новое и придирчиво изучаю свое отражение в зеркале. Мне нравится, особенно брюки. Мама заходит в комнату, сразу все понимает.

— Кто она? Я ее знаю?

— Нет, она не из нашего двора.

— Имя есть?

— Лена.

Мама хитро прищуривается:

— А не рано ли? Окончи школу, поступи в институт — и только потом. Ты готов к трудностям, которые за этим стоят? Спроси у отца.

— Он в море. Спрошу у деда.

— Только не у деда, — возражает мама. — Я знаю, что он скажет.

Она считает Санчо отпетым пофигистом. Уверена, что он погружает меня в какой-то мрачный мир человека, который на склоне лет понял: все — суета.

— Ты хочешь, чтобы Кирилл стал таким же, как твой Екклезиаст? — спрашивает она, чуть раздраженно.

Дед, конечно, отвечает спокойно:

— Чужой опыт всегда пригодится.

Мне трудно понять, как опыт царя, у которого сотни наложниц и богатства полмира, может быть полезен мне. Но его мудрые изречения всегда захватывают.

Я все же ослушаюсь маму и спрошу у Санчо, какие трудности ждут человека, когда он влюбляется.

Дед выпрямляется, делает паузу, будто взвешивает слова, и наконец загадочно улыбается.

— Любовь, — говорит он, — штука серьезная. Это не просто увлечение, а сердечная привязанность, пристрастие. Представь: измерить ее можно разве что в литрах крови. Да-да, подумай, что тебе придется отдать за свою даму сердца кровь.

Я непроизвольно скидываю голову.

— Испугался? Вот тебе и ответ. Если ты готов пожертвовать собой — это любовь. Все остальное — желание, хотение или влечение. Они могут быть сильными, страстными, но это — влюбленность. Это химия: гормоны взрослого организма бурлят, пробуждаются, выстреливают. Она способна довести до истерики — слез, криков, всего, что ты сейчас переживаешь.

Дед смотрит на меня своим ясным, внимательным взглядом, готовый раскрыть передо мной тайны жизни.

— Знаешь, Омар Хайям был прав. Он предупреждал, что любовь может и окрылять, и губить. «Опасайся плениться красавицей, друг! Красота и любовь — два источника мук. Ибо это прекрасное царство не вечно: поражает сердца и — уходит из рук».

Санчо хмыкает и продолжает:

— Маме твоей было четырнадцать, когда она потеряла голову от местного повесы. Он был опытный, обаятельный, знал, как кружить головы молоденьким девочкам. У неё тогда мозги отключились напрочь. Хорошо, что все обошлось. Кстати, тебе бы стрижку освежить. В наше время неухоженные спросом не пользовались.

Глава 4

Для меня Санчо — авторитет и кладезь житейской мудрости. И послушаться его я не могу. Его совет сродни приказу для новобранца. «Освежить стрижку» иду в парикмахерскую к Абраму Самуиловичу — лучшему парикмахеру Одессы. Все мои знакомые стригутся только у него. За время, что он стрижет, узнаешь много интересного из жизни Одессы. Причем не важно, о каком периоде времени он говорит. Это и дореволюционная Россия, и современность. Спроси у него про Котовского или Мишку Япончика, он расскажет такие подробности, о которых в книгах и газетах не прочитаешь. Он даже был знаком с Троцким, которого Сталин выгнал из страны. Словом, в его памяти хранится история за всю Одессу. А какие байки он рассказывает своим клиентам, а те разносят их по городу. В отличие от многих я знаю его секрет. Он нигде не учился, был безграмотен, хотя деньги мог сосчитать до копейки. Когда он положил глаз на мою учительницу литературы Клару Леонидовну и пригласил ее на свидание, она предложила ему книгу «Воскресенье» Льва Толстого. Он взял книгу, долго не возвращал, а когда вернул, она поинтересовалась, понравился ли ему роман? Он сконфузился, не смог ответить. А потом признался, что ни писать, ни читать он не умеет. Зато безумно в нее влюблен. Необразованность не помешала ему жениться на Кларе Леонидовне. Первым делом она его научила расписываться, что он и сделал, поставив подпись на брачном свидетельстве. А затем она обучила его и азам грамматики.

В парикмахерской пахнет «Красной Москвой», хлоркой, пудрой и еще чем-то незнакомым. В салоне пусто. Женский мастер Соня сидит в кресле и читает журнал «Крокодил». Бойкая, с огненными глазами из-под густой челки на широком лбу, увидев меня, спрашивает: «Чего хотим, молодой человек? Чем могу помочь?» Я удивляюсь ее недогадливости. Зачем обращаются к парикмахеру? Но такая у нее игра со своими клиентами.

— А где Абрам Самуилович? — интересуюсь.

— Сегодня его не будет. Я не подойду за него? — улыбается она, поднимаясь и поправляя халат с расстегнутой на животе пуговицей. — Так чем я могу помочь?

— Хотел бы слегка подровнять сверху и сзади.

— Нужно ли бритье? — веселится она. Я провожу рукой по подбородку, ощущая шелковистость пушка.

— Да. И еще я хочу подправить бороду.

— Хорошо, — соглашается она. — Но сначала помоем голову.

Я сажусь в кресло.

— У тебя хорошие, густые волосы. — Она проводит рукой по голове и опускает ее в железную раковину, нанося мягкими массирующими движениями шампунь и открывая кран. Сквозь шум воды слышится женский голос:

— Здравствуй, Соня!

— Здравствуй, Лера! — отвечает Соня.

— А где Абрам Самуилович?

— Поехал к сыну в Белгород-Днестровский.

— А-а, — я слышу скрип кожаного кресла. Приподнимаю голову и краем глаза в зеркале узнаю в пышной розовощекой, с рыжими волосами Лере кассиршу оперного театра, живущую неподалеку и учившуюся когда-то в моей школе. Соня кладет руку на мою голову и тянется к крану, халат на животе распахивается, и я вижу аккуратно «упакованный» пупок с золотистыми волосками вокруг него.

— Хотела спросить, что вы вчера все так ржали? — спрашивает Лера. — Ты говорила, что потом расскажешь.

Соня давится от смеха и набрасывает мне на голову полотенце.

— Ты же знаешь, когда он работает, у нас яблоку негде упасть. Вчера — одни мужчины. Балагурят. Хорохорятся друг перед другом, какие они крутые перцы. А потому вдруг и Абрам Самуилович стал фордыбачить, что он тоже еще хоть куда. Ну, я и подколола. Он вызов принял и говорит: могу доказать. Ну я тоже, ты же знаешь, за словом в карман не лезу. Про себя думаю: говори да не заговаривайся. «Пойдем», — говорю. И направляюсь в каморку. Он смутился, догоняет. «Ты стала заносчивой, как гаишник с перекрестка... Ты же меня перед всей Одессой выставишь на позор». Вижу, сильно расстроился. Оправдывается: мол, все мужики врут. И ловко сует червонец в карман, просит, чтобы я его не опозорила перед мужиками. Ладно, говорю, поддержу. Я себя знаю, а вы думайте что хотите. Посидели в каморке минут пять. Возвращаемся. Он не дает рта раскрыть. Петухом ходит. А я ему подыгрываю. Всем видом показываю, что он еще о го-го какой... Кстати, если хочешь, когда мы закончим, я могу сделать тебе укладку.

— Да! Было бы здорово, — радуется Лера. — Мне еще нужно обновить окрашивание... А что Абрам Самуилович делает в Белгород-Днестровске?

— Поехал проблему решать. Фигня вопрос. Там его сын Леня работает. Устроили по благу обслуживать автоматы газированной воды.

— Хорошо устроился. Наверно, зашибает, как продавец мясного отдела, неплохие деньги?

— Да, работа не пыльная.

— Так в чем проблема?

— Ему никто не объяснил, что вырученные деньги нужно сдавать в кассу. А он мимо кассы, да еще зарплату получал и удивлялся, как такое может быть: он собирает деньги, а ему еще за это платят.

— Он не знал, что деньги нужно сдавать в кассу?! — удивляется Лера, прихихатывая.

В дверном проеме появляется черная, как смоль, голова. Входит мужчина. По его нечленораздельному выговору я догадываюсь: он глухонемой и предлагает лак для ногтей.

— Покажи, — говорит Соня.

Мужчина суетливо достает из сумки пару флаконов. Соня открывает бутылочку и, вынув кисточку, прикладывает ее к мизинцу. Подносит руку к окну и внимательно всматривается в перламутр. Спекулянт кладет передо мной колоду карт с обнаженными женщинами в черно-белом исполнении.

— В каком подвале? — спрашивает Соня, держа бутылочку.

Черноголовый мычит и руками показывает, что нужна бумага и карандаш. Соня задает вопросы, а он отвечает на бумаге. Она читает вслух. «Партия свежая. Пришел корабль... Сколько?.. Почему так дорого?.. Хорошо. Возьму для пробы».

Она отсчитывает деньги, и он уходит.

— А Лёня женат? — продолжает интересоваться Лера.

— Уже нет. Ты разве не знаешь?

— Нет. А что за история?

— Броня, жена его, решила уехать в Америку. Уговорила Леню. Но Абрам Самуилович ни в какую. Запротестовал. Где родился, там и пригодился. Даже в Киев поехал, чтобы не пустили. В конце концов Броня с дочерью уехали, а Леня остался. Пока бесхозный, — подытожила Соня.

Лера вздыхает.

— Я готова выйти замуж, — говорит она. — Знаешь кого-нибудь подходящего?

Соня перестает стричь и подходит к Лере. Что-то тихо говорит ей на ухо.

— Он же старый! — возмущается Лера.

— А ты шо, новая? — парирует Соня. — Зато при деньгах. — И, вернувшись ко мне, продолжает стрижку, опасно лязгая ножницами возле моего уха. — Если ты готова, — продол-

жает Соня, — то у меня есть знакомая сваха. Многим помогла. И тебе подыщет. Она отыскала мужа даже... — она снова подходит к Лере, и я снова не слышу, о чем она говорит.

— Ой, так она страшнее атомной войны, — удивляется Лера.

— Неважно. Она должна зачать, чтобы выполнить свой главный долг перед богом... Звонить?

— Звони. Объясни, какие у меня ценности. Но мне нужен правильный человек. Ошибиться нельзя.

— Не волнуйся, она подберет тебе достойного кавалера, — говорит Соня, смахивая щеткой мои остриженные волосы.

— Все, молодой и красивый. Мы закончили стрижку. Бороду сбреем в следующий раз.

— Большое спасибо, Соня!

— Приходи еще.

Небо над головой сияет бирюзой, как будто его только что вымыли до блеска, оставив лишь пару пушистых облаков, словно заблудившихся прохожих. Настроение у меня — хоть песни пой. Я шагаю на свидание, чувствуя себя героем кино: пиджак сидит как влитой, брюки-клеш аккуратно облегают колени, а новые туфли скрипят так, будто сами радуются своему дебюту.

Ленку замечаю издалека, и сердце уходит в пятки. Она идет навстречу, такая яркая, что кажется, будто весь мир вокруг потускнел. Короткая юбка до колен, желтый свитер с черными полосками, облегающий её точеную фигуру, и прическа с начесом — словно сама Брижит Бардо сошла с экрана в фильме «Бабетта идет на войну».

Каждая ее черта — совершенство. И сегодня я ей скажу: она лучше всех. Не просто красивая — она моя мечта.

В городском парке под кронами старых деревьев я заранее выбираю скамейку — уютное место, которое кажется идеальным для признания. Мы садимся. Вокруг по дорожкам неторопливо снуют стайки молодежи, словно бродячие кошки, бесцельно ищущие, куда приткнуться. Много военных, торговых матросов. Из динамиков льется мелодия "From Me To You" от The Beatles, добавляя какую-то особую атмосферу. Я жду момента, когда суeta утихнет, чтобы решиться признаться ей в своих чувствах. А пока убиваю время, уносясь в разговоры.

— В четвертом классе, — начинаю я, — мы высаживали деревья на Суворовской аллее. Клены, сосны, дубы. Там есть и мой клен.

— Мы тоже сажали, только в другом месте, — отвечает она, махнув рукой в сторону фонтана.

— Важно уметь делать что-то для своего города, — важно замечаю я, пытаюсь произвести впечатление. — Нас не будет, а деревья останутся. Они для тех, кто придет после нас.

Она слушает рассеянно, прикусывает губу и хмурится. Ее лицо говорит о том, что мои воспоминания наводят на нее скуку. Она изредка кивает, будто из вежливости. Даже мне становится тоскливо от собственного пафоса. Но как я скажу ей о своем плане? Продолжаю развлекать, вспомнив совет деда: быть веселым, чаще улыбаться.

Я читаю ей стихи. Сначала из Блока, потом из Есенина — цикл «Любовь и хулиган». Стараюсь вложить в голос всю душу, но она все равно остается отстранённой. Выражение ее лица непроницаемо, как у портрета на стене.

Наконец народу в парке становится меньше. Я чувствую, что момент настал, готов встать на колени и сказать ей все. Но внутри поднимается волнение, как перед выходом на сцену. Я вспоминаю про пачку болгарских сигарет «Солнце», припасенную заранее, — первую в моей жизни. Решаю, что выглядеть тертым калачом — это сейчас правильный ход. Распечатываю, предлагаю ей. Она смотрит на пачку с кривой улыбкой, явно выражая брезгливость.

Не отступаю: зажимаю сигарету губами, чиркаю спичкой и прикуриваю. Делаю первую затяжку, глубокоую, чтобы казаться уверенным. Табак оказывается настолько крепким, что мои

глаза тут же наполняются слезами, а горло сжимает, как железным обручем. Начинаю кашлять, чувствуя, как легкие протестуют. Она смеется, видя мои попытки скрыть панику.

Мимо нас проходит парочка, держась за руки. Я пытаюсь овладеть собой, кладу руку ей на плечо, ожидая хотя бы малейшей реакции. Она сидит как статуя, не двигается и даже не поворачивает головы. Я продолжаю курить, не замечая, как почти опустошаю пачку. Голова кружится все сильнее, мутит, земля под ногами начинает плыть. Я встаю, чтобы скрыть свое состояние, но ноги подкашиваются, и я падаю на колени перед ней. Голову опускаю прямо ей на подол.

— Что с тобой? — она испуганно отодвигается, а голос становится резким. — Кирилл, не шути так! Чем ты лучше хромого Беса?!

Слова ее звучат, как пощечина. Я презираю себя в этот момент, но даже ответить не могу. Тело лихорадит, в горле першит, комок подступает к губам, но я изо всех сил стараюсь не выдать рвотного позыва. В голове мелькают разрозненные куски фраз: «Ты мечта всей моей жизни... Я все отдам за твою любовь...» Но они звучат так нелепо, что хочется просто провалиться сквозь землю.

Мимо проходит шумная компания военных моряков, они весело переговариваются и громко смеются. За ними следуют еще какие-то люди, лица которых я не успеваю разглядеть. И вдруг появляется он — Бес со своей свитой. Сердце уходит в пятки. Прояви он агрессию, я бы не смог ему противостоять. Он расправился бы со мной одним мизинцем.

Но, к моему удивлению, Бес, увидев меня валяющимся у ног его бывшей подружки, лишь демонстративно отворачивается. Гордо задрав голову, он проходит мимо, словно не замечая нас. Я ощущаю странное облегчение. Постепенно начинаю приходить в себя. Тошнота отступает, голова перестает кружиться, а силы медленно возвращаются.

— Что это было? — спрашивает она, глядя на меня с недоумением.

— Временное помутнение, — отмахиваюсь я. Не могу же признаться, что меня уложили на лопатки дешевые копеечные сигареты.

Небо окутывает мягкая темнота, а высоко в нём висит луна, окруженная редкими звездами. Понимаю, что вечер подходит к концу, и мое «чудесное» признание так и осталось только в голове. Все те красивые слова, которые я прокручивал в мыслях, сейчас кажутся мне глупыми и наивными. «Мечта всей моей жизни. Отдал бы всё...» — мысленно передразниваю я самого себя, ощущая досаду.

Я поднимаюсь, отряхиваю пыль с брюк и молча протягиваю ей руку. Мы идем домой в тишине.

В моем дворе в коммунальной квартире жил странный человек, внешне напоминающий барона Мюнхгаузена. С маленькой бородкой под нижней губой и безумными глазами. Звали его Гришка-Кассандра. Мне он казался не от мира сего. Соседи считали его юродивым. Говорили о нем разное, что он был из бывших профессоров, что преподавал в университете, но из-за критики властей был уволен, запер, от него ушла жена. Периодически он исчезал, поговаривали, что его опять спрятали в дурдоме. А познакомился я с ним случайно. Мы с друзьями стояли во дворе и о чем-то спорили. Он подошел и, глядя мне в глаза, спросил: «А вы ноктюрн сыграть смогли бы на струнах водосточных труб?» Один из моих приятелей ответил, что нет. «Я не тебя спрашиваю, курносый, а его», — сказал он, указывая на меня.

— Нет, — ответил я.

— Жаль, — сказал он, — значит, я ошибся в тебе.

Я обиделся и прочитал первые пришедшие в голову строчки, даже сам не понял зачем:

«Ночь, улица, фонарь, аптека,

Бессмысленный и тусклый свет.

Живи еще хоть четверть века —

Все будет так. Исхода нет».

И между нами завязалась поэтическая дуэль. Я стал навещать его в те дни, когда он был дома. Мы размышляли о происхождении людей, невольно задаваясь вопросом: кто был до нас? Что предшествовало нашему виду?

Вглядываясь в прошлое, мы видели неандертальцев — загадочных представителей рода *Homo*, которые жили задолго до появления современных людей (*Homo sapiens*). Их облик, образ жизни и исчезновение окутаны завесой тайны.

Мать, узнав, что я общаюсь со странным человеком, который большую часть времени проводит в психлечебнице, пожаловалась деду — отец был в плавании. Дед подтвердил слова матери, что ничему путному он меня не научит, а вот смуту напустит в душу. И советовал держаться от него подальше. Но я не прислушался к советам и продолжал общаться с ним. Мне он был интересен. Иногда мне хотелось ему угодить.

Я брал из коллекции отца бутылку коньяка и шел к нему. Увидев марочный коньяк, он радовался, как ребенок, которому в первый раз показывают долгожданную игрушку в витрине. Внимательно вчитывался в этикетку, откупоривал и наливал четверть бокала. Пил маленькими глоточками смакуя. Запах распространялся по комнате. Тут же появлялась старуха-соседка. Она ходила как-то боком, как гусыня. Набрасывалась на профессора, обвиняя его в жадности. Когда он угощал ее, кудахтала и несла закуску. Церемония длилась недолго. Старуха уходила, и слышался ее голос. «Завяли лютики», — пела она... «Мама, что люди подумают, — увещевала ее сухопарая девица с писклявым голосом. «Запомни, Нюра, главное, чтобы не было войны, — отвечала мать и, сменив тему, пела «Вихри враждебные веют над нами». Другие соседи этой разлихой квартиры раздраженно гремели кастрюлями, не вмешиваясь в разговор.

И вот он, как пушечное ядро, летит ко мне. Глаза горят, волосы вихрем, будто торнадо. «Кирилл, мой фееричный герой, — восклицает он, разводя руки, как дирижер, — да у вас вид... ну, прям как у маршала Карамелько! Такой солидный, такой... грозный! Почему вы еще здесь, в тылу, а не участвуете в штурме крепости? Там ведь у них, как говорят, печенье завезли — «Наполеон», а вас нет! Вы чего ждете, как унтер-офицерская вдова на смотре? Или, может, генеральский бутерброд дома завалялся, а? Надо ж успеть, пока печенье не разобрали! Давай-давай, в атаку, вперед! И не забудьте с собой кастрюлю прихватить!»

Он умолкает, словно забывает, что хотел сказать, и тихим, заговорщическим голосом, будто шепча тайну, произносит: «А водосточные трубы починили! Представляешь? И мы сможем сыграть ноктюрн! И пригласить красивых дам в нарядных платьях! Как думаешь, сможем обсудить с ними жизнь на Марсе? Он пристально смотрит мне в глаза: — Скажу по секрету, они никогда там не были. Они родом с Венеры, а здесь, на Земле, им нужны наши души...» Его глаза, горящие странным, почти потусторонним светом, смотрят сквозь меня, как будто пытаюсь разглядеть что-то в моей душе. В его словах клокочет беспокойная энергия, переплетающаяся с отчаянной надеждой. Я чувствую, что сегодня он опасен для меня, и, попрощавшись, быстро удаляюсь, не понимая, почему меня так тянет к нему.

Ура! Школа позади, я прошел этот важный этап. Теперь буду поступать в Московский литературный институт имени Максима Горького. Чтобы готовиться к экзаменам, еду в деревню к деду. Автобус останавливается возле продуктового магазина — сельпо. Помня мамин наказ не приходить с пустыми руками, я захожу в магазин. Здесь пахнет свежеспеченным хлебом. Беру железную лопаточку, выбираю свежий хлеб, а к чаю покупаю пряники и халву.

Дом деда виден издалека. Это большой беленый саманный дом с соломенной крышей. Чтобы срезать путь, я иду напрямик через луг.

Дед живет с Груней, она намного моложе его. Остра на язык, всегда любит подтрунивать, но с ним не шутила. Знала, что он всегда даст отпор. На него где сядешь, там и слезешь. Задирала и меня, но, когда я стал старше, перестала.

Открываю калитку и вхожу во двор. Куры ходят по двору, отыскивая зерна, в огороде пасется коза. Она тупо смотрит на меня, как будто пытается узнать. Я показываю ей язык. В это время из дома выходит Груня. Ее длинные темно-каштановые волосы собраны в толстую косу. Подбоченившись и мило улыбаясь, говорит: «А, как вам это нравится! Маня, смотри, кто к нам приехал!»

«М-е-е-е...» — звонко блеет коза, высунув розовый язык.

— Как мы выросли! — продолжает Груня, беря у меня гостинцы. — Чем тебя мать кормит? Как на дрожжах растешь... А деда нет. Он с пчелками на вольном выпасе.

— На старом кочевье?

— Стояли в полях, за фермой, а вчера, должно быть, переехали ближе к озеру. Километров пятнадцать отсель, что ли. Он, как всегда, со своим приятелем дедком Свиридом. Бери велосипед. Сгоняй. Заодно проверишь, чем там деды занимаются.

Несмотря на разницу в возрасте, она ревновала Санчо даже к пчелам, которых он в шутку называл своими девчонками.

Подкачав колеса, я выезжаю со двора.

— Кирилл! — кричит она вдогонку. — Скажи деду, что соседка просила забить кабаничка. Дочка замуж выходит.

Я люблю ездить к деду на пасеку. И не только потому, что меня манит жизнь на природе: можно собирать грибы, ловить рыбу, купаться в реке или озере. Но и потому, что от деда я узнаю много интересного. Он рассказал мне о нашем предке, который был артиллеристом на бриге «Меркурий» и прославился в бою с турками. Турецкие линейные корабли настигли медленный русский бриг. На бриге было всего 20 пушек против 220 турецких. Но капитан-лейтенант Казарский не растерялся. Он приказал принести на палубу бочку с порохом и положил сверху свой пистолет. Все поняли: либо победить, либо погибнуть. Бриг продолжал сражаться с турками, маневрируя и отступая. Турки понесли потери, не смогли заставить русских сдаться и прекратили бой. Бриг продолжил путь. После сражения офицер подошел к пороховой бочке, взял пистолет и выстрелил в воздух. Экипаж вздохнул с облегчением. За подвиг все матросы были награждены Георгиевскими крестами, а бриг «Меркурий» заслужил право нести Георгиевский флаг на корме.

С дедом я могу поговорить о чем угодно. Он не боится углубляться в философские вопросы, интересуется историей и вечными темами, которые заставляют задуматься. Наши беседы о смысле жизни — это особое удовольствие. Однажды я спросил: «Что происходит с человеком после смерти?» Он, покачивая головой, ответил: «Никто точно не знает. Кто-то из христиан верит в реинкарнацию, что после трех удачных перерождений ты попадешь в совершенно иной мир, в место без страха и боли. Но есть и другая мысль: если ты проживешь достойную жизнь, тебе не нужно будет перерождаться. Ты вернешься домой — на ту звезду, с которой мы когда-то упали».

Я помолчал, удивленный его словами, и спросил: «Ты тоскуешь по своему дому, мечтаешь вернуться?»

Он ответил спокойно, как всегда: «Не знаю... что будет — того не миновать. Сократ, постигший мудрость жизни, верил, что теперь-то он точно попадет на звезды. Он больше не нуждался в перерождениях». И с улыбкой процитировал рубаи великого персидского поэта Омара Хайяма: «Я пришел — не прибавилась неба краса. Я уйду — будут так же цвести небеса. Где мы были, куда мы уйдем — неизвестно. Глупы домыслы всякие и словеса».

Как-то я спросил: «Деда, какого мы роду-племени?» И его рассказ по-настоящему впечатлил меня. Он рассказал мне о князе Олеге, которого называли Вещим. Олег мог предска-

зывать будущее, и именно ему принадлежат слова, что Киев будет матерью городов русских. Олег покорил многие племена, собирая с них дань. Он даже побывал в Византии, в Царьграде. Греки, чтобы помешать его войскам, закрыли вход в залив цепями. Но Олег оказался хитрее. Он велел своим воинам поставить корабли на колеса, и, подхваченные попутным ветром, они мчались к Царьграду. После победы Олег повесил свой щит на ворота города, а вернувшись в Киев, привез золото, шелка и вина. В его землях установился мир.

Дед рассказал мне еще одну историю. Олег, после победы, вспоминал своего боевого коня, которого любил. Когда он готовился к походу, он спросил у кудесников, от чего ему предстоит умереть. Один из них ответил, что смерть ему принесет конь. Олег велел кормить коня, но не приводить его к себе. Спустя годы он спросил, где же тот конь. Конюх ответил, что конь умер. Олег смеялся: «Конь умер, а я жив!» Он поехал к месту, где лежали кости коня, и насмешливо пнул череп. И вдруг из черепа выползла змея и ужалила его в ногу. Олег заболел и вскоре умер.

Мне было жалко Олега. «Значит, он не был таким уж пророком, если не смог видеть свою смерть?» — спросил я. Дед, не говоря ни слова, продолжил рассказ.

После смерти Олега его сын Игорь стал править. Он был отважным воином, как и его отец. У него была жена Ольга. Когда Игорь погиб, власть перешла к Ольге, и она жестоко отомстила за мужа. Потом власть перешла к Святославу, сыну Ольги и Игоря. Он вел много войн и однажды плыл с дружиной в Киев, имея с собой множество богатств, но было мало воинов. Напал на него печенежский князь Куря, и Святослав был убит. Его голову взяли, из черепа сделали чашу и пили из нее. Узнал я от деда и о крещении Руси. Владимир, сын Святослава и Ольгиной ключницы, крестил Русь. Перед тем как принять христианство, Владимир изучал различные религии. Он спросил у магометан, какие обычаи у них. Они говорили, что почитают одного бога, не едят свинину и не пьют вина. Владимиру понравилась идея семидесяти красавиц после смерти, но смущала необходимость обрезания и отказа от свинины. Потом пришли посланники папы римского, которые утверждали, что у них единственный бог. Владимир же не согласился, так как его предки такого не признавали.

После этого пришли хазары, исповедующие иудаизм. Владимир спросил, где их земля. Они ответили, что в Иерусалиме. Владимир удивился: «Как вы учите нас, если вас самих бог рассеял?» Но самые хитрые были греки. Они прислали философа, который показал Владимиру картины Страшного суда: праведники восходят в рай, а грешники идут в ад. Владимир был поражен. Он сказал: «Хорошо тем, кто справа, горько тем, кто слева», и, собрав бояр, спросил их мнение. Бояре предложили отправить послов в разные страны, чтобы узнать, как служат своим богам. Вернувшиеся послы были в восторге от того, как красиво и величественно проходили богослужения у греков. Они сказали: «Если бы эта вера была плохой, то твоя бабушка Ольга не приняла бы ее, она была мудрее всех нас». Владимир, все еще не решив, повел поход на греческий город Корсунь. Он осадил город и пообещал креститься, если возьмет крепость. Когда город был взят, Владимир все равно не крестился, а потребовал выдать за него сестру византийского царя. Ему отказали, сказав, что не отдают христианок за язычников. Но Владимир настоял, чтобы прислали не только сестру, но и тех, кто его крестит. В Корсунь приехала греческая царица. В это время у Владимира заболели глаза, и он не мог видеть. Царица предложила: «Если исцелишься, крестись». Владимир согласился и, когда епископ возложил на него руку, он сразу прозрел. Вскоре он женился на царице, и многие из его дружины тоже приняли христианство.

Несмотря на свой возраст, дед продолжает работать. Он высок и крепок, всегда выделяется своей осанкой. Его не беспокоят проблемы здоровья — у него их нет. Его волнуют только судьбы близких и события в стране и за рубежом.

Зимой дед работает на мельнице, изготавливая подсолнечное масло. Оно пахнет так вкусно, что хочется выпить его. Мама часто угощала соседей этим маслом. Соседка-кондуктор

тетя Цива говорила: «Такого в Одессе не купишь!» и спрашивала: «Почему не продаете на рынке? Можно бы заработать!» Мама отвечала: «Не хочу этим заниматься, как-то неудобно, я не спекулянтка, это не по-людски».

Мамина щедрость была замечена всеми. Соседи любили ее, и отношение к ней переносилось и на меня. Когда я заходил в парикмахерскую, тетя Сима, которая работала там до Сони, не брала с меня денег за стрижку. «Скажи маме, что тетя Сима помнит добро», — говорила она.

Вот и кочевье. Знакомые пчелиные домики, синие и зеленые. Синие — у моего деда, зеленые — у деда Свирида, его друга. Я спешиваюсь с велосипеда и иду по примятой траве к выцветшей палатке. Пчелы, как маленькие бомбардировщики, летают над головой — фью, фью. Одни возвращаются с нектаром, другие летят в поле. Пчел я не боюсь. Помню совет деда: «Когда пчелы садятся на тебя, не кричи и не маши руками. Они просто летят домой. Подойдешь к ульям — улетят».

Пасечников застаю во время обеда. Старики сидят за самодельным деревянным столом, на нем хлеб, сало, соленые огурцы и казан с борщом, запах которого слышен за версту. Я голоден и охотно соглашаюсь разделить с ними трапезу. Дед Свирид, управившись первым, надевает сетку, уходит к ульям. Мы остаемся сидеть за столом, чтобы посудачить о моем поступлении в институт. Но поговорить нам не удастся. Слышится звук мотора, подъезжает мотоцикл с коляской. Дед приосанивается. Говорит: «Гости пожаловали». Подходят двое мужчин в кепок-аэродром и хромовых сапогах — знакомые кооператоры. Интересуются урожаем, ценами на мед. Тот, что постарше и с пшеничными усами, спрашивает: «Вроде бы у деда Свирида день рождения? Сколько ему годков?» — «Восемьдесят четыре». — «Возраст серьезный», — говорит он. — «Возраст — дело относительное. Несмотря на годы — голова светлая. Помнит, как австрияк и немцев били в первую мировую».

— Хотя и не юбилей, но старого вояку нужно поздравить, — говорит усатый, хитро улыбаясь: — Подарок за нами. Вечерочком заедем. Пусть готовится. Кот вылизывает, а наш дед... — он игриво смеется, не договаривая; и они уходят.

Дед Свирид возится поблизости, но не слышит, о чем говорят, — глуховат. Контузию он получил еще в Первую мировую на Юго-Западном фронте. За участие в Брусиловском прорыве был награжден солдатским Георгиевским крестом IV степени и медалью «За усердие». Правда, в советское время награды ему аукнулись. Его забрали. К счастью, все обошлось благополучно. В начале Великой Отечественной войны классовые ограничения сняли. Защищать Родину мог каждый, и он пошел на войну добровольцем.

Мотоцикл затарахтел — гости уехали.

— Смотайся в селпо за водкой, — говорит дед. — Продавщице Валентине скажешь: для меня.

Я догадываюсь, зачем понадобилась водка. Дед Свирид, принимая «подарок» ко дню рождения, всегда просил присовокупить к нему бутылку водки. Ее он употребит не вовнутрь, а зачем-то обмоет свои причиндалы (мужские гениталии. — Авт.).

Дед смотрит на часы: «Чтобы не стать антисемитом, поторопись», — говорит он. (Так в Одессе называли того, кто не успел купить водку до семи вечера, а того, кто успел, — семитом).

Повесив сумку на руль, я еду в деревню. По обе стороны дороги поля, засаженные кукурузой, пшеницей. Пахнет сочными травами. Вокруг дивное многоголосье певчих птиц. Стрекот кузнечиков сливается со свистящими звуками цикад, образуя певучий мир. А в небе ястреб с коротким загнутым клювом — рябой дневной хищник летит стремительно, высматривая острым взглядом жертву. «Ки-и-и, ки-и-и» — доносятся вслед протяжные звуки.

Купив водку и пряников к чаю, возвращаюсь на пасеку. Смеркается. Подъезжает знакомый мотоцикл. «Кого еще на ночь глядя принесло? — интересуется дед Свирид, сощурившись и вглядываясь в приезжих. Первой из коляски вылезает круглолицая женщина в нарядном голубом платье с копной темных волос на голове и в белых босоножках. Одернув платье и

поправив волосы, громко здоровается: «Издрасьте вам! Где мой жених?» — спрашивает она, остановив взгляд на моем деде. Он тут же отрешивается: не по адресу, вот наш именинник, — и жестом кивает в сторону деда Свирида, который светло улыбается беззубым ртом.

Вскоре мотоцикл укатывает. Женщина остается. Она недурна собой. Зовут ее Люся. Бойкая, в карман за словом не лезет. Такая отбреет — мало не покажется. Она доярка из ближайшей деревни.

Мой дед, узнав, что она доярка, решает пошутить:

— Заходит доярка в коровник, пьяная в дымину. Корова не доеная укоризненно мордой качает: «Опять нажралась?!» Доярка, растягивая губы в глупой улыбке: «М-м-у-у...» Корова: «Ну ладно. Держись за сиськи, сама попрыгаю».

Тетя Люся качает головой и смотрит на деда строгими глазами.

— Ты, дед, не дури, — холодно говорит она.

Взрослые выпивают. Оживляются, посмеиваются и подшучивают. Мой дед вспоминает еще одну байку. «Мадам Зипперович, что вам больше подходит для здоровья: горячий чай или горячий мужчина?» — «А мне абы хорошо пропотеть».

Деда Свирида доярка очаровала. Он оживлен и, как brave солдат, пускается в воспоминания о войне. «На войну меня не брали. Помехой был возраст. Взяли добровольцем. По благу. Помог знак «За отличную стрельбу из винтовки». Боялся лишь одного: война закончится, и я не успею совершить подвиг».

— Ой, а я в оккупацию в Одессе была. Не дай бог кому такое видеть, что немцы и румыны творили!.. А сейчас живем хорошо. Грех жаловаться. Главное, чтобы не было войны.

— Если бы не Хрущев, мы жили бы еще лучше, — говорит мой дед. — Наиглупейший руководитель. Чего стоят его сельхозреформы?! Он запретил домашний скот, вырубил сады, урезал размеры пособия одиноким матерям, создал кризис и дефицит муки. Пришлось покупать ее за золото и влезать в долги перед Западом.

Потом дед Свирид припоминает, как в двадцатых годах во времена нэпа он зашел в публичный дом, что в Одессе в начале улицы Польской, в помещении, построенном как доходный дом Моисеева. Мне наскучило сидеть со стариками и теткой с яркой помадой на губах, которая постоянно их подкрашивала, глядя в маленькое зеркальце. Я беру одеяло и ложусь неподалеку в траву. До моего слуха доносятся слова именинника, как он стал невольным свидетелем разговора владельцев публичного дома, которые обсуждали, как сделать дом доходным. Одни предлагали сменить антураж: купить новую мебель, поставить пианино, другие — покрасить стены в красный цвет. А старый еврей предложил сменить девочек... и оказался прав. Когда появилась шансонетка Нелля, от желающих не было отбоя. «А как она пела! Вы бы слышали ее голос. А какая манера речи!» — восхищенно перечисляет дед Свирид достоинства шансонетки.

Женщина прыскает со смеху.

— Вы туда песни слушать ходили или по другой нужде?

Дед Свирид молчит. Он в замешательстве, как школьник, который не выучил урок и не знает, о чем говорить. На помощь приходит мой гренадер. «Эх, в советское время проституция не исчезла, как пережиток проклятого царского прошлого, — говорит он то ли сожалея, то ли радуясь. — А какие были мечты! Люди, освобожденные от пережитка эксплуататорского общества — брака, должны проживать в домах-коммунах.

— Так я вам и поверю, — говорит Люся. — А как сексуальные потребности решать собирались?

— Об этом тоже подумали. Удовлетворение сексуальных потребностей членов коммуны планировали осуществлять по предварительным заявкам. Тело захотело — пишешь на бланке соответствующее заявление, передаешь его сотруднику управления домового комитета. А тот

— по своему усмотрению — из числа жаждущих любовных утех мужчин и женщин определяет пары для интима, то есть кто, с кем и когда.

— А детей, появившихся на свет от такой «коммунальной» любви, куда?

— А что дети?! Они с самого рождения обобществляются. Живут сначала в ясельном, потом в дошкольном доме. И никаких тебе мам и пап, едрит тя в корень.

— Ну ты, дед, едри твою мать, вымочил, — говорит она сердито. — Хорошо, что проекты ваши заглохли. А то бы натворили глупостей.

Она не может согласиться с тем, что дети должны были «обобществляться». И поет негромким голосом банальный куплет:

«Улица, улица,
Улица веселая,
Эх, ты время – времечко,
Времечко тяжелое».
— Браво! — восхищается мой дед.

В молодости он был неравнодушен к шансону. Но отец его, будучи купцом 2-й гильдии, не мог представить сына артистом, паяцем. Хотел, чтобы сын выбрал более серьезную профессию: стал присяжным поверенным — адвокатом. Добился больших успехов в политике. Ездил по городу как он, в коляске. Сына, окончившего гимназию, определил в Одесский университет на философский факультет. И кто знает, как сложилась бы судьба моего деда, если бы не революция. Старик умер. И купечество аукнулось на его детях. Семья прошла через раскулачивание. Все потеряли: доходные дома, магазины. Карьерный рост деда был долг и тернист. Побывал у Котовского. Под белыми. Жил бедно и честно. Чтобы выжить, стал путейцем. Затем портовым грузчиком. Одно время работал нюхачом в парфюмерной промышленности: имел отличную память на ароматы. Ретушером — по желанию клиента улучшал фотографию — исправлял овал лица или закрашивал морщинки. Перед тем как стать пенсионером и увлечься пчелами, работал на Одесском железнодорожном узле снабженцем.

— Эх, — восклицает дед. — До революции Одессу называли не только южной Пальмирой, но и «фабрикой куплетистов». Город был главным поставщиком эстрадных гастролеров для Петербурга, Москвы и Киева. И кто знает, как сложилась бы моя судьба, если бы я стал артистом, — говорит он и в голосе его слышится легкая грусть.

На темно-синем небе молчаливо висит луна. Женщина поднимается, слегка потягиваясь. «Засиделись мы. Пора баиньки», — говорит она поеживаясь.

«Молодые» уединяются в палатке. А мы с дедом спать ложимся на свежем воздухе. Две железные кровати стоят среди пчелиных домиков. С любопытством вглядываюсь в темное небо, усеянное россыпью звезд. Они загадочно мерцают. Таинственная красота ночного неба! Оно манит и пугает своей непостижимой загадочностью. Временами, прочерчивая небо, к земле несется метеорит, оставляя на мгновение след. Меня переполняет необыкновенное чувство единения с природой. Как все чудно устроено?! Откуда все взялось? Такие же чувства испытывал древний человек, который хотел знать, что там над небом, во вселенной. Это ли не великая тайна и загадка для людей?!

Я прислушиваюсь к легкому успокаивающему жужжанию пчелиного роя. Пчелы ночью не летают, потому что цветы меньше выделяют нектар. Но и ночью они работают: кормят личинок, чистят улей, строят соты. Протягиваю руку и прикасаюсь пальцами к пчелиному домику, ощущая тепло. Теплая энергетика проникает в мое тело, и я чувствую прилив сил.

У пчел четкая иерархия. Мать всех пчел и трутней в улье — матка. Она круглосуточно весь сезон — с апреля до сентября — откладывает яйца. Пчелы ее чистят, кормят, ухаживают и оберегают. Матка выделяет феромоны, которые пчелы слизывают и передают другим пчелам. Феромоны связывают пчел. Делают их семьей. Матка — королева. Но дед считает, что по сути она раба пчел. И ей не стоит завидовать. Спаривается она один раз в жизни, погулять

не выпускают, если матка перестает отвечать требованиям семьи (количество откладываемых яиц сократилось), ее могут принудить отложить яйца для новой будущей королевы, а после ее оплодотворения убить.

Мне жаль пчелиную мать. «Разве это не жестоко?» — спрашиваю. — «Закон жизни — слабые уходят. Сильные остаются, — говорит дед, — но у нее есть преимущества перед другими пчелами».

— Какие? — допытываюсь.

— Бурная молодость. Она может себе позволить хорошенько погулять во время брачного периода. Та еще горячая штучка! Спаривается с трутнем до 30 раз в день.

— Какая польза от трутня? Зачем он нужен? Гнездо не охраняет. Ест много. Намного больше, чем рабочая пчела. За медом не летает. Только для оплодотворения?

— И не только. Трутень выделяет много тепла. Это помогает пчелам поддерживать температуру в гнезде. Для выращивания потомства нужна стабильная температура 34-36 градусов, независимо от температуры на улице. Но век его недолог. Как только оплодотворит матку, он тут же склеивает крылья. Помирает.

— А если все пчелы исчезнут?

— Тогда не будут опыляться растения... Гибель пчел — это начало конца!

Скрипят пружины кровати. Ворочается во сне дед. Говорит о молоке, о надоях. И кого-то ругает. Интересно, что ему снится? Мне тоже снятся сны. Но я их не запоминаю. Шумно вздохнув, дед переворачивается на другой бок, и раздается храп. Ему не до моих метафизических исканий. Слышен кашель. Из палатки выходит дед Свирид и семенит к кустам. По нужде он будет выходить еще не раз. Вспоминаю, что он жаловался на здоровье — «простата шалит».

Свежий ночной воздух, напоенный ароматом акаций, лип, гречихи, клевера, кипрея, убаюкивает меня, и я впадаю в состояние дремоты.

Утром примчит знакомый мотоцикл и увезет тетю Люсю. Она будет молчалива, задумчива и уставшая. Прощаясь, дед Свирид галантно поцелует ей руку, промурлыкав: «Ну а женщины Одессы — все скромны, все поэтессы, в крайнем случае красивы».

— Что ж вы, мужики, так охочи до баб? — спросит она.

— Без женщины мужчина, что вода без плотины, — ответит повеселевший дед Свирид.

— Будет юбилей, не забудь позвать, — скажет смешливо и уедет. Пасечники пойдут к ульям, а я, взяв учебники, сяду на велосипед и поеду к озеру. Там, спрятавшись в высокой луговой траве, среди пряных ароматов благоухающих цветов, начну готовиться к вступительным экзаменам.

Глава 5

В институт я не поступил. Был ли я огорчен? Не знаю. Скорее, испытал смешанные чувства. Значит, не судьба, — успокаивал я себя. Зато побывал на Красной площади. В Мавзолее не попал — километровая очередь. Меня поразило количество ворон в небе. Черные, огромные — они жили своей жизнью, не обращая внимания на людей. Вдруг они собирались в стаю и зловеще кружили над крышами домов, издавая грубый крик «кар-кар!» Я чувствовал себя одинокой белой вороной в этом огромном городе.

Я еду домой в поезде «Москва-Одесса». В купе — женщина с дочерью, моей ровесницей. Девушка светлая, стройная, с золотой цепочкой на белой шее. Она не поступила в театральное училище, и в ее глазах читается печаль, смотрит задумчиво и отрешено. Рядом с ними — офицер, выпускник военного училища, высокий брюнет в форме, которая сидела на нем как влитая. Я заметил, как мать с дочерью переглянулись, когда он вошел в купе. Вдруг глаза дочери засветились, а на лице появилась легкая улыбка.

— Лейтенант Кротов, — сказал он, ставя на столик портативный радиоприемник «Спи-дола». — Борис.

— Маргарита Витальевна, — ответила женщина улыбаясь. — А это моя дочь Алла. — Затем она попросила офицера помочь достать сумку с верхней полки. Я едва успел моргнуть, как он уже исполнил ее просьбу. Женщина открыла замок баула, взяла маленькую сумочку и попросила вернуть чемодан обратно. Забросив его на полку, офицер повернулся ко мне, подмигнул и с улыбкой сказал:

— Юноша, запомните: под лежачего лейтенанта коньяк не течет.

Мать с дочерью улыбаются — шутка явно пришлась им по вкусу. Из шуршания бумаги возникает чай, и на столе появляется снесь. За чаепитием атмосфера меняется: все становятся более разговорчивыми. Лейтенант спокойно и уверенно рассказывает о себе: окончил Московское общевойсковое училище, едет в Киев по назначению. Холост. Говорит он неторопливо, с легкой улыбкой, словно заученный урок.

— Какой обаятельный молодой человек, — замечает женщина, когда лейтенант выходит из купе, не обращая внимания на меня. — Кому-то повезет. Завидный жених.

Ее слова задевают меня. Где-то внутри что-то ёкает. «Что, я не весел? Я не красив? Или тебе не нравится мой аккредитив?» — чуть не вырывается из меня. Вовремя сдерживаюсь. Девушка мне понравилась, но я ей — нет. Она смотрит на меня холодно, все свое внимание направив на офицера. На губах играет улыбка, а глаза искренне сверкают, когда она кидает на него взгляды, то поправляя челку, то широко распахивая глаза.

Узнав, что Алла пыталась поступить в театральное училище, а я — в литературный институт, Борис с удовольствием декламирует строки Есенина, впечатляя нас своими знаниями и эрудицией.

— А почему не поступил в институт? — спрашивает он меня.

— Завалился на «Крейцеровой сонате» Толстого. Высказал свое мнение о героях романа, которые были несчастливы в браке, и экзаменаторам это не понравилось.

Борис насмешливо улыбается:

— Вопросы брака, семьи, отношение к женщине не для юношей, не постигших азы жизни, — говорит он поучительно.

— Мы тоже читали книгу. И обе не высокого мнения о герое. Не правда ли, Алла? — говорит Маргарита Витальевна, явно заинтересовавшись нашим с Борисом разговором.

— Почему он вам не понравился? — спрашиваю я.

— Он успел вдоволь нагуляться с не слишком красивыми женщинами, а затем решил жениться. В жены выбрал хорошенькую юную девушку. Понравилась внешне, плюс неопытная и юная, — отвечает Маргарита Витальевна.

— Может, душевные качества разглядел или любовь такая с первого взгляда? — продолжаю я интересоваться.

— Нет. На протяжении всей семейной жизни жена, по сути, не интересовала его как человек, как личность — ему нужно было ее тело, ее красота. Он ставил себе в огромную заслугу, что не изменял ей, хотя на самом деле ему просто в то время было уже банально лень волочиться за женщинами и его устраивало наличие рядом привлекательной жены... Жаль только, что финал трагичный.

Я решаю поумничать, чтобы раззадорить маму с дочерью и раздуть их любопытство.

— То есть кем была для него жена? Сексуальным объектом и инкубатором для вынашивания детей, но не личностью? А была ли возможность у женщины того времени и того круга получить развитие? Умеет вышивать, играть на рояле, танцевать на балах, говорить по-французски и наряжаться — все! Этого достаточно. Воспитание такое было. И героя это устраивало, когда он в жены такую девушку брал! К тому же он был старше нее и намного опытнее. Он мог повлиять на ее развитие, но ему это было не нужно. Да и к тому же, может, у нее характер был плохой, капризная, духовно неразвитая.

— Не согласна, — говорит Маргарита Витальевна, — дело не в ней, а в герое, который не уделял ей должного внимания, даже не замечал порой. А она была еще молода и привлекательна. Не видя от мужа внимания, комплиментов и даже особого уважения, она позволила себе увлечься другим мужчиной. И герой, никогда, в сущности, не любивший жену, сходит с ума от ревности. Ведь это его жена, его собственность!

— Вы правы, — соглашаюсь я. — Во всем виноваты музыка и муж. Вы спросите, при чем тут музыка? Музыка разбудила фантазии и ее романтическую натуру, позволила увлечься другим мужчиной. Муж выбрал себе жену как красивую и удобную вещь, но она для него не стала близким человеком и другом, потому что он считал ее ниже и глупее себя. Жена тянула лямку скучного, безрадостного брака, не видя от мужа ни ласки, ни заботы... А потом такой муж стал беситься от ревности... И получил то, что заслужил... Да, он жалел о содеянном прежде всего потому, что убил человека. Но в жене увидел человека, только когда нанес ей смертельное ранение. И свое поведение за все годы брака вспомнил, понял, что сам толкнул жену на измену. И хоть суд его оправдал, он сам себя строго судит... А что касается Толстого, то он женоненавистник. Он был бабником, не пропускал ни одной юбки, а от жены требовал рожать ему обильно. Ревновал Софью Андреевну ко всему. В романе он описал себя, свои комплексы и страхи, душевный мир больного человека. Толстой не справился с подростковыми комплексами.

Мои попутчики явно ошеломлены. В купе наступает пауза, которую прерывает Борис. Он, прищутив глаза, с усмешкой произносит:

— Значит, Толстой виноват? Как и в «Анне Карениной», мораль одна и та же: не изменяй мужу — попадешь под поезд?

— Это очевидно, — отвечаю я.

Алла искоса смотрит на меня, губы ее играют капризной улыбкой, а в глазах — лед. Мне кажется, что они словно пронизывают меня.

— Теперь ясно, почему тебя не приняли в вуз, — говорит она.

— Классик не заслужил такого отношения, — добавляет Борис, соглашаясь с ней.

Честно говоря, я ожидал такой реакции и был готов продолжить, но тут проходящие мимо нашего купе молодые офицеры останавливаются. Это сокурсники Бориса. Через некоторое время они уходят, оставляя лишь одного лейтенанта с гитарой. Его зовут Жора. Алла, не теряя времени, просит его сыграть что-нибудь. Он начинает гнусавить «Пару гнедых», потом

еще несколько песен и решает выйти покурить. Я прошу гитару, и Жора охотно передает мне инструмент, покидая купе. Я начинаю петь дворовую песню, которую выучил под руководством Драного:

«Над Одессой небо голубое,
В парках скоро будут карусели,
Это ничего, что мы с тобою, Боря,
К армии жениться не успели».
Я подмигиваю соседу по купе, усмехаясь.

Неизвестно, сколько бы продолжался мой импровизированный концерт, если бы не проводник, который попросил прекратить шуметь, так как уже поздно, а не всем пассажирам нравится наше веселье.

Забравшись на верхнюю полку, я стал прокручивать в голове наш разговор. Женщины прикидываются или действительно не понимают? Но я точно знаю: похоть с нами с самого рождения и уходит, как говорил дед, только когда забьют последний гвоздь в крышку гроба. «Чувственность! — подчеркивал он. — Животное всегда сидит в нас, но нужно уметь его обуздать».

Однажды случайно увиденный в парикмахерской пупок Сони долго не выходил из головы. Как-то я взял лак для ногтей, который привез отец из-за границы, и пошел в парикмахерскую. Соня спросила: «Где взял?» — «Дома. Отец с плавания пришел». — «Еще есть?» — «Да». «Принесешь?» Я кивнул. Она достала из ящика рубли. «Не надо», — сказал я. «Бери, так не бывает», — улыбнулась она. Я ушел, не взяв денег.

Через пару дней я снова принес несколько флаконов. Когда уходил, она вдруг спросила: «Чем занимаешься вечером?» — «Готовлюсь к экзаменам. А что?» — «Приходи. Никого не будет». Я пришел. Она опустила занавески, включила торшер у кровати и набросила на него свое красное платье. Я смог рассмотреть не только пупок. Налитая грудь ошеломила меня. От ее щедрости захватывало дух. Это было мое первое грехопадение.

Физиология! Это то, что нам досталось от обезьян, подумал я. А Толстой — сексист и фанатик. К тому же он не переносил Бетховена.

Поезд проезжает станцию, и огни освещают висевший у меня в ногах офицерский китель с золотыми погонами. Мои мысли перескакивают от Аллы к соседу по купе. Что я знаю об офицерской жизни? Это кочевая жизнь, вдали от дома, строго регламентированная уставами. Я перебираю в памяти все, что знал о службе.

Раннее утро. Поезд прибывает на вокзал Киева. Соседи по купе уже собраны. Мы прощаемся как старые друзья. Лейтенант, в строгой форме и скрипучей портупее, берет с верхней полки чемодан и сумку, Алла — его «Спидолу», и они направляются к выходу. Я решаю подшутить и цитирую вдогонку старое брачное объявление: «Унтер-офицер желал бы сочетаться брачными узами с девицей, имеющей свой капитал. Свадьба за счет невесты». Лейтенант Кротов, проходя мимо окна, широко улыбается и машет мне рукой. Он понимает юмор. Я тоже поднимаю руку в ответ. Глядя им вслед, думаю, что они встретились не случайно, и ловлю себя на мысли, что завидую молодому лейтенанту. Вспоминаю анекдот: «Симочка, доча, тебе просто надо немножечко влюбиться!» — «Я вас умоляю, мама, в кого сейчас можно влюбиться?» — «Ой, неужели сложно найти жертву...» Анекдот меня развеселил. Я чувствую голод и набрасываюсь на остатки еды, которую дамы любезно оставили мне.

В купе входит молодая пара с плаксивым ребенком. Я забираюсь на свою полку и снова думаю о лейтенанте Кротове. Он произвел на меня впечатление не только тем, что легко цитировал стихи и мог поддержать разговор о литературе, но и тем, что в нем было что-то такое, чего мне не хватало. И еще от него веяло романтикой, приключениями и опасностью. По радио звучит хриплый голос Высоцкого, его песня о переселении душ: «... Пускай живешь ты двор-

ником, родишься вновь прорабом, а после из прораба до министра дорастешь, но если туп, как дерево, – родишься баобабом. И будешь баобабом тыщу лет, пока помрешь».

Песня возвращает меня к реальности с ее проблемами и заботами и вызывает грустные мысли: я не поступил в институт. Кем буду я?.. Разве что баобабом?..

Ритмично стучат колеса, и в голове начинают звучать слова, которые я часто слышал на Молдаванке: «... Али я не весел? Али некрасив? Аль тебе не нравится мой аккредитив? Красивее парня в мире не найдешь. Ну и черт с тобою, плевал я на тебя! Раз меня не любишь – люби сама себя».

В те годы эгоизм переполнял меня.

Приехав домой, я в тот же день принимаю мгновенное решение — иду в военкомат. Пожилой майор с утомленным лицом грешника, охочего до вина, выслушав меня с безразличным видом, говорит, что помочь мне он ничем не может – поздно. Я иду на выход, и уже у двери слышу.

— Есть одна разнарядка: Орджоникидзевское высшее общевойсковое командное училище. Пойдешь?

— Пойду! — говорю я.

Глава 6

Поступив в военное училище, я ощутил душевный подъем, но уже на втором курсе у меня возникли сомнения: ту ли профессию я выбрал? Караулы, полигоны, стрельбы, работа с техникой — все это начинало тяготить. Тогда я увлекся альпинизмом. Во время каникул мы выезжали на Кавказ, где участвовали в восхождениях. Мы побывали в «Приюте одиннадцати» — гостинице для альпинистов на Эльбрусе, расположенной на высоте 4050 метров над уровнем моря. В годы войны этот приют был захвачен немецкими егерями и использовался как база для восхождения на вершину Эльбруса. На вершине они установили свой флаг, символизируя победу над Кавказом. Но в 1943 году советские альпинисты достигли приюта и сняли нацистскую символику с горы.

Впереди был выпуск. Я знал, что мне светит диплом с отличием, и предстояло выбрать место службы. Большинство товарищей стремились попасть за границу, а я попросил направление поближе к Москве. Курсовой офицер удивился. Но я не мог ему сказать, что на самом деле мечтаю учиться заочно в литературном институте. И вот, о чудо! Мне выдали направление в «полевую академию» в Солнечногорск на курсы «Выстрел».

Первый офицерский отпуск. Еду домой. Выхожу из вокзала и глубоко вдыхаю знакомый запах родного города. Иду пешком, наслаждаясь чудесным теплым днем. На мне новенькая офицерская форма, и приятно поскрипывает португез. Вот и Молдаванка. Сворачиваю за угол и оказываюсь в атмосфере, знакомой с детства. Маленький дворик. На одном из подоконников — сонный кот. Знакомая картина: пока жара, коты дремлют. Вдоль зеленого забора развешено белье, а под кустом еще двое расслабленных ленивцев. В воздухе сильный запах жареной рыбы. Под старым кленом — шумная компания. На Молдаванке соседи живут одной семьей. По принципу: «Хороший сосед лучше плохого родственника». Дружеская компания поможет зарядиться позитивной энергией и расслабиться. Подхожу. Удивительный симбиоз. Стол сервирован с жгучей еврейской скромностью и цыганской помпезностью. Меня узнают. Белоголовый мужчина, чтобы лучше меня оглядеть, поднимается. «Так это же наш Кирилл, — говорит он, присматриваясь. — Конечно, он... Присоединяйся. Давно не виделись... Поздравляем! — раздаются голоса. — Ты теперь вон какой — офицер!»

Здороваясь со всеми. Меня усаживают и подносят стакан с водкой, приговаривая: «Водка наш враг. Но разве офицеры боятся своих врагов?» Понимаю: не отвертеться и под одобрительный гул осушаю стакан. Сидевшая рядом женщина в ситцевом платье с глубоким декольте, обнажавшим загорелую грудь, заботливо предлагает закусить жареным бычком.

Наконец меня оставляют в покое.

— Продолжай, Миша, что было дальше? — обращается лоснящийся здоровяк, заросший рыжеватой щетиной, к тщедушного вида мужичку с маленькими короткими усиками.

— А что было?.. Поджарили пяточки и забрали бочонок с золотом...

Я понимаю: разговор вернулся к прежним легендам, к воспоминаниям о славных одесситах. Сейчас начнут вспоминать Мишку Япончика, и всегда найдется тот, кто хорошо знал его маму Добу Зельмановну или супругу Цирлю Аверман. А затем обязательно «забьют козла». И вот наступает момент, когда я могу уйти. Поднимаюсь и говорю: «Родители заждались». Но никто не обращает на меня внимания. Рыжий гармонист в тельняшке, с волосатыми плечами играет марш «Прощание славянки», растягивая и сжимая меха. Мелодия звучит ярко и многозначительно. «Не забудь зайти к Русале, чтобы узнать военную судьбу», — кричит кто-то мне в след. И все вместе начинают петь: «Есть город, который я вижу во сне... О, если б вы знали, как дорог! У Черного моря явившийся мне в цветущих акациях город!»

Цыганка Русала, жгучая брюнетка, была настоящей звездой Молдаванки, считаясь первой красавицей района. К ней выстраивалась очередь желающих узнать свою судьбу. Цену за

гадание она не брала, считая, что деньги — это нечистая сила, а сила уходит из руки, как только она получает оплату. Как-то раз мы с Ильей тоже решили заглянуть к Русале. Она раскинула карты, сосредоточенно в них вглядываясь, как будто пыталась разобрать какой-то тайный код.

Мне она пообещала казенный дом — ну да, то есть судьба привела бы меня к армейской жизни, а еще сказала, что я люблю правду, всегда хочу быть полезным и стараюсь помочь всем, кто в этом нуждается. А вот карта, которую она показала, была туз пик. Хм, к чему бы это?

Илье она предсказала, что он — душа компании, что деньги к нему потекут рекой, а если он решит пойти на охоту, то вернется с кабаном. Мы с ним едва не рассмеялись. «Ну да, повезло человеку», — подумал я. Но, если честно, мне такое предсказание совсем не понравилось. Я понял, что жизнь и будущее слишком сложны и многогранны, чтобы их можно было свести к простым, предсказуемым фразам. И после этого я решил: больше к гадалкам не пойду.

Дни проводил на морском пляже, среди бронзовых тел и бесконечного волейбольного турнира на песке — шумного, азартного, полного эмоций. Людей было столько, что это напоминало одесскую баню перед Новым годом.

Мама уговорила меня надеть военную форму и сходить с ней в Одесский театр оперы и балета на «Щелкунчика» Чайковского. Изысканный интерьер театра — лепнина, мрамор, позолота — создавал ощущение праздника еще до начала представления. С первых нот увертюры зрителей захватывает музыка, наполняющая зал волшебством, а «Танец феи Драже» и «Вальс цветов», погружают в сказочную атмосферу.

С Ильей мы посетили клуб моряков на Приморском бульваре. Там за кружкой пива, обсуждали старые дела, а потом отправились «вспомнить молодость» на танцы в парк Шевченко. Танцплощадка кипела жизнью, напоминая муравейник: приезжие из деревень, с их звонким украинским говором, танцующие пары и музыканты, отдающие на полную катушку.

К моему удивлению, среди множества извивающихся тел меня узнала рыжеволосая девушка, с которой я когда-то танцевал. «Где пропал?» — спросила она деловито, без лишних сантиментов, и сама пригласила меня на белый танец. Только теперь я узнал ее имя — Виолетта. Она успела побывать замужем дважды: первый муж — моряк, второй — инженер. «Оба не любили танцевать, а я не могу без движухи», — с улыбкой призналась она, оставляя мне номер телефона. Я взял, хотя не был уверен, что когда-нибудь воспользуюсь этим приглашением.

На обратном пути домой Илья вспомнил о Елене — той, которая когда-то была «мечтой всей моей жизни», но так и не узнала об этом.

— Слышал, — спросил он, — Ленка вышла замуж за Беса. Родила дочь, но брак быстро распался. Бес загремел в колонию за разбойное нападение на иностранца. Она теперь работает на круизном судне, в основном общается с зарубежными мужчинами. Злые языки говорят, что она мечтает найти жениха и уехать за границу.

— Имеет право, — безразлично ответил я, но слова Ильи задели что-то внутри. На следующий день я нашёл ее новый номер и решил позвонить. Она согласилась встретиться.

Мы встретились на «старом месте», у входа в городской парк. Как преступник и жертва возвращаются на место преступления, так и меня тянуло туда, где я когда-то осрамился, так и не объяснившись в любви.

Играет духовой оркестр. Проходим мимо танцевальной площадки и мимо городского фонтана, шум воды которого действует расслабляюще. Вот и скамейка, на которой мы когда-то сидели. «А что было бы, если бы тогда все прошло гладко?» — думаю я. Но в душе не екнуло, не защемило. Я ничего не испытываю. Может, и не было ничего. Придумал?! Как говорят, все, что ни делается, — к лучшему.

Уже поздно. Пора возвращаться. Идем к выходу из парка. Она приглашает «на чай» к себе домой.

— А дочь где? — спрашиваю.

— У родителей.

Берем такси и едем. Она живет в пятиэтажном доме на третьем этаже. Поднимаемся по лестнице и входим в квартиру. И вдруг я слышу знакомую фразу: «Хочу шампанского!».

Ах, старый злодей, радуюсь я.

— Кеша у меня вместо собаки. Охраняет квартиру.

— А кто ухаживает за ним, когда тебя нет?

— Соседка-старушка. Она от него без ума.

Теплое чувство овладевает мной. Мне кажется, попугай узнал меня. Поприветствовал. Несмотря на возраст, он такой же жизнерадостный и веселый. Я подхожу к клетке, всматриваясь в блестящие черные бусинки. Открываю клетку. Попугай выпархивает и, сделав круг по комнате, садится мне на плечо. Пока хозяйка стряпает на скорую руку на кухне, я разговариваю с птицей. Когда учился в школе, я вслух проговаривал домашнее задание. «Так легче запомнить, — советовала мама. — Птица не подскажет, зато выслушает, не перебивая». А еще попугай любил, чтобы я его расчесывал и чесал ему шейку. Когда я прекращал скрести, он жалобно просил: «Кирильчик, почеси!..» Как тут откажешь?! Дед смеялся: «Вам бы на паперти стоять. На тарелку еды заработали бы».

Я стою у окна. Попугай на плече. Жду, что он скажет: «Я узнал тебя». — «И кто же я?» — «Ты тот засранец, который отказался от меня». Прав ли я, что не сказал ей о том, что попугай мой? Этот вопрос я задавал себе не раз. И не знал, как на него ответить. Успокаивал себя тем, что между нами должна быть какая-то загадка. Убеждал себя: попугай и есть наша тайна. Спустя несколько лет мы встретимся с Еленой вновь. И я спрошу про Кешу, как он? «Нет его, — скажет она. — Улетел». — «Как же так?!» — невольно воскликну я. — «Когда-то ты тоже не смог его уберечь», — усмехнется она. — «Искала?» — «Нет. А зачем? У каждого должен быть выбор. Даже у птицы. Так мир устроен».

«Так мир устроен». Значит, все эти годы никакой тайны не было. Я придумал ее в своем воображении. Как не было никакого Кеша. А был попугай Зефирка, которого я предал. А предатель, как поется в песне, «во все времена всегда презираем».

Елена зовет к столу, и я удивляюсь изобилию дефицитных импортных продуктов — сыр, растворимый кофе, колбаса, апельсины, мандарины, бананы, пиво в банках.

От отпуска осталось всего ничего. Уехать, не попрощавшись с дедом, я не мог. Это было бы слишком жестоко и несправедливо. Он был не только родственником, но и человеком, который всегда был рядом, с кем можно было поговорить о важном и простом, кто делился своей мудростью и опытом. Отец, узнав о том, что я решил съездить к Санчо, предлагает свои «Жигули» (права я получил в училище). Я с радостью принимаю его предложение. Беру ключи, выхожу во двор и подхожу к машине. Открываю дверь и слышу, как кто-то меня зовет. Оборачиваюсь — это Марик, с чьей легкой руки я когда-то стал радиохулиганом. Он поздравляет меня с окончанием училища.

— Как Ася Абрамовна? — спрашиваю я.

— Бабушки нет, — отвечает он. — Мы скоро уезжаем. Видимо, больше не увидимся.

— Марик, почему так печально?

— Собираемся в Израиль, — говорит он. — Получили квоту. Ты же знаешь, дед не стал раввином, потому что считал недостойным судить людей. Но идею строительства нового мира он всегда поддерживал. Он и предложил нам уехать.

Я ничего не знал о причинах эмиграции евреев, потому что национальность никогда не была для меня важной. Мне всегда казалось, что человека определяют его поступки, стремления и человеческие качества, а не происхождение. Я смотрел на людей, как на картину: обращал внимание на общий замысел, а не на штрихи. Никогда не задумывался, к какой группе они принадлежат, пока это не стало темой разговоров повсюду.

В последнее время все чаще стали говорить об эмиграции евреев, о том, что они покидают страну в поисках другой жизни. Это обсуждали в газетах, по радио, в очередях и на кухнях. Мир вдруг стал делить людей на «своих» и «чужих» так остро, как никогда раньше. После неудавшейся попытки угона самолета в Швецию, когда группе евреев разрешили эмиграцию по квотам, разговоры об их отъезде стали еще более напряженными.

Я помню, как изменился тон этих разговоров. Где раньше был интерес или равнодушие, теперь появилось раздражение. Люди начали говорить о евреях не как о людях, а как о массе, общей категории. Это раздражение расплзлось, как ржавчина по старой железной двери. Негатив нарастал — не сразу, не резко, но с каждым днем все явственнее. И я не понимал почему. Разве стало легче, если кто-то уезжает? Разве это меняло чью-то жизнь?

Мне было больно видеть, как тает человеческое тепло. Этот шум вокруг казался мне пустым, ненужным и глупым. Люди всегда уходят и возвращаются, ищут свое место, но в этом случае их стали считать врагами. Это угнетало меня, но я продолжал смотреть на людей так, как всегда: как на людей, а не на ярлыки, которые на них навешивали другие.

Я заранее сочувствую Марику и его семье. Желаю им удачи, благополучия и скорейшей адаптации на новом месте. Надеюсь, что когда-нибудь мы все же встретимся. Мы жмем друг другу руки и прощаемся.

Пасечников я застаю за их любимым занятием — уходом за «своими девчонками». Санчо знакомит меня с новым компаньоном, дедом Григорием, который сменил старого друга Свирида, ушедшего в иной мир. Григорий — ровесник деда, фронтовик и подполковник в отставке. Узнав, что я тоже офицер и только что окончил военное училище, он оживает, рассказывая о военных годах. Я с интересом слушаю его рассказ о малоизвестном эпизоде бомбежки Берлина советскими самолетами в начале войны. «Был август сорок первого, — рассказывает Григорий. — Служил я в военно-морской авиации Балтийского флота на острове Эзель. Сталин лично распорядился произвести бомбовый удар по Берлину и его военно-промышленным объектам. В штабе просчитали: дальность полета только в одну сторону — около 900 километров и почти 1800 в обе. Из них над морем — 1400 км. Шансов вернуться было немного. Но война, приказ есть приказ. Возглавил особую ударную группу командир полка полковник Преображенский. Отобрали 15 экипажей, проинструктировали. Приказ был — лететь на большой высоте и возвращаться по прямому курсу. Взлетели. У меня на борту две бомбы по 250 кг. Через три часа полета мы подошли к северной границе Германии. Немцы приняли нас за своих, огонь не открывали. Подлетели к Берлину — город был хорошо освещен. Отбомбились, задачу выполнили и вернулись на базу без потерь. Немцы решили, что бомбила английская авиация. Командир и еще три летчика получили Героя Советского Союза. Остальные — ордена и по две тысячи рублей. Я получил орден Красного Знамени».

Лунная ночь раскрывает свое очарование. На небе гордо висит полная луна, купая все вокруг. Пора ложиться спать. Мы с дедом укладываемся, как обычно, на свежем воздухе, среди пчелиных ульев. Накануне прошел освежающий дождь с грозой, и теперь воздух свеж и наполнен запахами озона и скошенной травы. Сквозь шелест листьев доносится уханье совы и пение соловья.

— Для самки старается, — ворчит дед. — Всю ночь будет тренькать, заливаться и спать не даст.

— Дед, — говорю я. — Расскажи об Экклезиасте. Почему он написал книгу, в которой вся человеческая жизнь, все, что происходит, происходило и будет происходить, — все суета? Ведь он был царем, богатым и успешным. Значит, жизнь его удалась?

— Считается, что Экклезиаст — это царь Соломон. Себя он называл «сыном Давида» и царем Иерусалима. Он написал прощальную речь, и она есть в Ветхом Завете. Это мысли человека, который достиг всего, о чём могут мечтать люди, но неожиданно осознал, что жизнь

его — суета сует. «И оглянулся я на дела мои, которые сделали руки мои, и на труд, которым трудился я... все суета... и нет от них пользы под солнцем!»

— Ты тоже так считаешь?

— Когда тебе будет столько лет, сколько мне, возможно, и ты согласишься с этим. На земле из века в век происходят одни и те же события, но нет среди них новизны. Везде все одинаково — те же человеческие пороки, те же чувства, те же отношения, все неизменно: «Род проходит, и род приходит, а земля пребывает во веки».

— Если все уже было, работа не приносит удовлетворения, а познание мира и достижение мудрости лишь усугубляет печаль, веселье бессмысленно, то в чем смысл человеческого существования?

Мой вопрос озадачил деда и соловья. Старик молчит, глядя куда-то вдаль, будто ищет ответ в звездах, спрятанных за густыми ветвями деревьев. Соловей, словно чувствуя важность момента, внезапно оборвал свою песню, оставив после себя странную пустоту, полную ожидания. И только цикады не желали подчиняться этой странной тишине. Их резкий, оглушительный хор заполнял ночной воздух, отзываясь в ушах и усиливая напряжение.

Дед наконец, медленно вздохнув, продолжает. Его голос тих, но глубок, словно из самых недр его памяти, где правда и боль переплелись неразрывно.

— Знаешь, — говорит он, не глядя на меня, — ответы не всегда там, где их ждешь. Иногда они в том, что ты чувствуешь, когда их нет. Взгляни на этих цикад: поют о своем, не спрашивая, кто мы с тобой и зачем здесь сидим. А мы, люди... Мы всегда все хотим понять, назвать, рассудить. Но в жизни важно понять другое: зачем ты сам здесь, чего ищешь и что оставишь после себя. Вот и соловей, может, не поет, потому что понял твой вопрос. Ему, знаешь ли, тоже нужно подумать.

Дед улыбается краешком губ, но в этой улыбке есть что-то такое, от чего внутри становится одновременно легче и тяжелее. А цикады все трещат, как будто мир, который не знает ответа, продолжает жить своим простым, но вечным ритмом.

— А разве в военном училище вам не растолковали, в чем смысл жизни? — дед смотрит на меня с любопытством, прищурив глаза, словно старается заглянуть глубже, за слова.

— Нас учили Родину любить, защищать, а если понадобится, отдать за нее жизнь, — отвечаю я, чуть выпрямившись, как будто снова оказался перед строгим взглядом командира. В этих словах было что-то привычное, словно повторял заученную клятву, которую произносил много раз, но не задавался вопросом, что за ней стоит.

— Да, любить Бога сегодня не учат. Не учат бояться его, как боялись когда-то люди, и жить, соблюдая заповеди, словно тонкую нить, связывающую их с чем-то выше. Никто не говорит, что другие пути ведут в пропасть — туда, где заканчивается человек и начинается пустота. Где нет больше духа, только животный страх и жадность. А зачем это нужно, когда есть другой бог, вырезанный на холодном камне, — моральный кодекс строителя коммунизма? Он звучит громко, но глухо, как звон стали. Он велит быть добродетельным, но лишает души. Как если бы вам дали новое сердце, сделанное из железа, и сказали: «Дыши этим».

Дед усмехается — не злобно, но с оттенком грусти, будто мои слова пробудили в нем что-то из далекого прошлого. Он качает головой и, кажется, на мгновение задумывается, прежде чем продолжить:

— Родину любить, защищать... Звучит хорошо, верно. Но знаешь, парень, жизнь — она больше, чем форма и приказы. Вот ты говоришь: «отдать жизнь». А жить-то ради чего учили? Задумывался? Или и это осталось на усмотрение совести? — его голос становится мягче, говорит тихо, но от этого слова звучат еще более весомо.

Я молчу. Все, чему нас учили, сводилось к действию: дисциплина, долг, честь. А вот ради чего все это... никто особо не говорил. Я вдруг чувствую, как эти простые вопросы начинают тянуть за собой целую череду других, сложных, неудобных.

Дед снова продолжает:

— Любить Родину — дело хорошее. Но разве Родина — это только флаг да земля? Разве она не в людях? В тех, кого ты защищаешь? А люди эти, они ведь все разные. У каждого своя правда, свои радости и боли. Жить ради Родины — это жить ради них. А если ты не знаешь, как жить для них, что защищать тогда? Тень? Образ?

Я чувствую, как внутри что-то переворачивается. Его слова остаются со мной, как камешки в кармане: простые, но тяжелые, напоминая о том, что некоторые вопросы имеют не один, а тысячи ответов.

Вокруг стоит тишина, такая густая, что можно услышать, как бьются сердца тысяч пчел, скрытых в деревянных ульях. Воздух напоен ароматом меда и воска, словно сама природа дышит здесь тихо и осторожно, чтобы не потревожить этот хрупкий мир. Мой Санчо лежит неподвижно, будто часть этого странного и невообразимого уравнения — между землей и звездами, между прошлым и вечностью.

— Дед, и последний вопрос: что такое счастье?

— Счастье, как мне кажется, — это состояние гармонии с собой и окружающим миром. Оно не всегда громкое, не обязательно сопровождается яркими эмоциями или событиями. Счастье может быть в тихом утре с чашкой кофе, в тепле любимого взгляда, в чувстве, что ты идешь своим путем.

Для кого-то это момент свободы, для кого-то — глубокая связь с другими, для третьих — ощущение смысла, когда каждый день складывается в единую картину жизни. Счастье, наверное, не цель, а процесс, когда ты умеешь замечать красоту в обыденном, принимать сложное и благодарить за то, что есть.

Но запомни — никто не обязан делать тебя счастливым. Это твоя ответственность перед самим собой. Счастье — это тишина и покой в душе. В этой тишине и покое душа находит умиротворение. Она, словно океан в безветренную погоду, хранит в себе множество тайн и загадок. В этой глубине можно разглядеть отражение прошлого, настоящего и будущего, которые сливаются в единое целое. Прислушайся, в этой тишине и покое можно услышать шепоток ветра, который ласково касается лица. Можно почувствовать тепло солнечных лучей, которые нежно греют кожу. Можно увидеть, как капли дождя танцуют на стекле, создавая неповторимые узоры. В этой тишине и покое душа раскрывается, словно цветок, который тянется к солнцу. Он наполняется светом и радостью, которые излучают любовь и гармонию. В этом состоянии можно найти ответы на самые сложные вопросы, обрести внутреннюю силу и мудрость. Тишина и покой — это не просто отсутствие шума и суеты. Это состояние души, когда она находит гармонию с собой и окружающим миром. В этом состоянии душа становится открытой для новых впечатлений, для новых возможностей. Она готова принять все, что преподносит жизнь, и превратить это в источник вдохновения и роста.

Пронзительный крик совы — звук, словно срывающийся с самых небес, где тихо витает смерть, — вдруг прерывает монолог старика. Он переворачивается на бок, и я слышу, как он вдыхает воздух. В этот момент что-то в его дыхании напоминает мне старую, изношенную книгу, страницы которой, безжалостно переворачивая, мы теряем часть смысла. Я мысленно шепчу: «Доброй ночи». Тишина обволакивает нас, но я уже не могу быть уверен, что она настоящая. В ней, в этом молчании что-то есть — нечто, что не сходит с ума от времени, не умирает, но вечно живет, скрытое от глаз. Я вслушиваюсь в этот голос тишины, пытаюсь понять, что она мне шепчет. Но слышу шум ветра, проходящего через деревья, шелест и шорох листьев и громкое стрекотание цикад.

Утром мы идем на рыбалку. Идем лугом. Пахнет разнотравьем. Проходим мимо высокого холма, старинного кургана, под которым, говорят, покоятся древние воины. Могильный холм возвышается над равниной, словно молчаливый свидетель прошлого, укрытый травой и временем. Утренний ветерок пробегает по его склонам, шепча что-то древнее, едва различимое.

мое. Интересно, какую тайну он скрывает? Что за истории навсегда остались там, под этой холодной землей?

Слышал, что под такими насыпями хоронили не только воинов, но и тех, кто должен был сопровождать их в ином мире: рабов, жен, порой даже коней. Это был их последний путь, без права на отказ, веление обычая. Место для погребения выбирали с особым трепетом, чтобы духи умерших могли смотреть вдаль, на родные земли, любоваться ими, как в жизни.

Мне кажется, в этом есть что-то печальное, но величественное. Под холмом — не просто кости, а целая история, сцепившая живых и мертвых. Быть может, здесь, в этой вечной тишине, хранится не только боль утраты, но и мечты тех, кто верил, что жизнь продолжается за пределами нашего мира. Каждый курган — это маленькая загадка, запечатанная веками, которую никто не может полностью разгадать.

Приготовив снасти и закинув удочку в прозрачную воду, я невольно вспоминаю о Марике. Почему евреи вдруг срываются с места, бросают привычный быт и эмигрируют? Этот вопрос тревожит меня, и я, немного поколебавшись, озвучиваю его.

— Почему евреи уезжают, дед? — спрашиваю я, глядя, как поплавок раскачивается на воде.

— Я думаю, сынок, причина в том, что каждый ищет свое место под солнцем. Их издавна гнали с места на место, а где оседали, там часто чувствовали себя чужими. И вот, когда появляется возможность уйти, люди хватаются за нее, как за соломинку.

Он останавливается, смотрит на меня с лукавой усмешкой, но в глазах его сквозит усталость.

— Ты ведь знаешь, как это бывает. Не все уезжают от бедности. Многие бегут от страха. От того, что завтра их могут лишить и того небольшого, что есть. А Израиль для них — как дом, пусть и чужой для многих, но обещающий защиту и понимание. Еще малышом я слышал эту историю: в восемнадцатом веке константинопольским патриархом был Григорий V — человек мудрый, ревностный в вере. Во время пасхального богослужения его потребовали к султану, обвинив в восстании, подвергли пыткам, предлагали отречься от веры. А потом повесили на воротах патриархии. Помогали палачу в приготовлениях несколько константинопольских евреев, искавших случая показать ненависть к христианам. Трое суток он висел — тело было измощено воздержанием и иссушено старостью. Ему не хватало веса, чтобы смерть могла наступить мгновенно. Затем привязали на шею камень и бросили в бухту Золотой Рог. В водах Босфора его заметил капитан русского торгового судна. Тело тайно доставили в Одессу. Слух о том, что евреи причастны к убийству патриарха, быстро распространился по городу. От причала процессия направилась к месту погребения. Когда проходили мимо синагоги, евреи, ничего не подозревая, из любопытства, высыпали поглядеть на процессию. И весь гнев был обрушен на них. Разгромлены еврейские шинки, лавки, дома, пострадала и синагога. К счастью, обошлось без человеческих жертв. Царь Александр I прислал комплект епископского облачения для погребения и совершения чина погребения в греческой церкви во имя Святой Троицы. Спустя много лет греческое правительство обратилось с ходатайством о переносе мощей святителя из Одессы в Афины. Было разрешено перенести мощи. Процессия пошла той же дорогой, что и прежде, и бойня с евреями повторилась. Но ее якобы инициировали греческие купцы в отместку за то, что евреи отняли у них контроль над большинством банков и перехватили торговлю зерном. На почве торговой конкуренции.

Слова деда висят в воздухе. Я смотрю на поплавок, но не вижу его, утонув в своих мыслях. Может быть, он прав. Может быть, люди уходят не потому, что хотят, а потому, что жить иначе уже не могут.

— Ирония судьбы: виновны одни, а страдают другие, — задумчиво произносит Санчо, и тут же, словно очнувшись, резко подхватывает удилице, заметив, как поплавок внезапно скрылся под водой.

— Есть!

Завтра я лечу в Москву. Билет у меня в кармане, — и каждая его складка словно напоминает, что впереди новая жизнь. Но сегодня — прощальная вечеринка. Я собрал друзей со двора: ребят, с которыми рос, одноклассников, с которыми делил и парты, и драки. И мы поехали в ближайший ресторан. Шумно, весело, как бывает только на таких встречах, когда все знают, что завтра все изменится, и мы расстанемся, но стараются не думать об этом.

В зале были еще какие-то незнакомые парни. Как началась ссора, я не видел. Это произошло мгновенно, словно вспышка, когда разговоры, смех и выпивка вдруг срываются в крик. Кто-то схватил кого-то за грудки, кто-то крикнул что-то резкое — и понеслось. Драка, настоящая, жесткая, без жалости. Я бросился разнимать, хватал за руки, за плечи, пытался кричать, что это не место и не время, но голос мой никто не слышал. В этой суматохе я только и успел получить подбитый глаз и разорванную рубашку, как вдруг за нами приехала милиция.

Меня и еще одного бедолагу, которому досталось больше всех (он из чужой компании), доставили в участок. Там, в холодном, пахнущем табаком и пылью кабинете, я сижу напротив старшины — пожилого милиционера с тяжелым взглядом и привычкой поправлять фуражку каждый раз перед новой фразой. Узнав, что я офицер, только что окончивший училище, он читает нравоучения. Говорит, что конфликт может навредить моей карьере, что офицер должен быть примером. Его слова звучат не как упрек, а скорее как сожаление — будто он действительно желает, чтобы я понял свою ошибку.

В этот момент дверь распаивается, и входит подполковник. Высокий, подтянутый, с уверенным шагом. Его взгляд цвета холодного металла скользит по кабинету, задерживается на мне, а затем на старшине.

— За что задержан? — коротко спрашивает он.

Поднявшись с места, старшина отвечает:

— Офицер. В этом году окончил военное училище, устроил драку в ресторане. Все разбежались, а его и еще одного задержали. Сидит в соседнем кабинете.

— Так он офицер, говоришь? — подполковник вытаскивает из кармана пачку «Беломора», вынимает папиросу, медленно разминая ее в пальцах. Затем берет мою объяснительную, пробегаает взглядом по строчкам и, кивнув старшине, говорит:

— Оставь нас. Поговорим с лейтенантом о жизни.

Старшина, бросив на меня прощальный взгляд и поправив фуражку, выходит. Подполковник садится на край стола и предлагает мне папиросу.

— Нет, спасибо, не курю, — отвечаю я.

— Это хорошо, — кивает он, затягиваясь и выпуская густой сизый дым. — Значит, голова у тебя ясная будет. Ну что мне с тобой делать?

Он задает вопрос, но сам не спешит отвечать, давая мне возможность подумать. Через минуту спрашивает:

— В какой школе учился?

Я отвечаю.

— Ирину Квакину знал?

— В одном классе учились, — говорю я, немного удивившись.

Подполковник усмехается.

— Моя дочь, — говорит он, разглядывая меня так, будто искал в моем лице что-то знакомое. — От нее слышал, что ты человек справедливый. Она говорила, что ты всегда за своих заступался. Видимо, и сегодня за это в драку полез.

Он прячет бумагу в ящик стола, встает:

— Свободен. Желаю успешной службы. И постарайся больше не попадать в подобные истории, лейтенант.

На улице меня ждет Илья.

— Ну как? — спрашивает он.

— Отпустили, — отвечаю, поправляя растрепанную рубашку.

Илья улыбается.

— Повезло: вовремя подоспел отец нашей одноклассницы.

Я останавливаюсь и смотрю на него.

— Это я попросил ее вмешаться.

— А я-то думал, счастливый случай.

— А разве не чудо, что ее отец оказался начальником именно этого отделения? — подмигивает он.

Я киваю, и мы идем дальше. Ночь уже почти закончилась, но в ней еще было место для чудес.

Глава 7

В Москве идет дождь. Тяжелые серые тучи нависли низко над городом, и капли, крупные и холодные, стучат по крыше терминала. Я выхожу из Шереметьевского аэровокзала. Воздух влажный, сырой, пахнет бензином и мокрым асфальтом. На площадке перед входом длинной цепью выстроились такси, их фары и фонари дробятся в лужах. Люди грузят чемоданы, открывают двери.

Я подхожу к одной из машин, водитель, хмурый и молчаливый, кивает в ответ на мой адрес. Сажусь, и автомобиль мягко трогается с места. В пути окна покрываются каплями, через которые Москва кажется размытой, словно акварель. Я думаю о предстоящей службе, о том, что ждет меня за этими серыми днями, и гляжу, как город постепенно исчезает, уступая место пригородным пейзажам.

Дорога в Солнечногорск кажется бесконечной, но вот за очередным поворотом открывается знакомая картина: серое здание КПП с высокой надписью «Высшие офицерские курсы «Выстрел». Машина останавливается, я выхожу под мелкий дождь, расплачиваюсь с водителем и оглядываю территорию. У ворот — сверхсрочник, коренастый, подтянутый, с порывистыми движениями. Его форма аккуратна, кожаная портупея покрыта дождевыми каплями, а пистолет в кобуре кажется чуть больше, чем нужно для человека его роста.

— Документы, — коротко бросает он, едва взглянув на меня.

Я протягиваю предписание, он долго изучает его.

— Пройдете прямо до административного корпуса, там увидите указатель. Вам в штаб полка обеспечения учебного процесса.

Он кивает на ворота, а затем уходит к своему посту, оставляя меня под дождем. Я поправляю ремень чемодана и шагаю внутрь, туда, где меня ждет начало нового этапа. Ветер холодный, капли бьют по лицу, но мне кажется, что это уже не важно. Впереди ждет работа, люди, которых мне предстоит узнать, и жизнь, которой еще предстоит наполниться.

Моложавый подполковник с густыми, сросшимися бровями внимательно окидывает меня взглядом с ног до головы. Его глаза цепкие, словно сканируют каждую деталь — от блеска пуговиц на кителе до осанки и выражения лица. Я ощущаю себя под его пристальным вниманием так, будто стою на плацу под сотнями взглядов.

— Лейтенант Бахтин, прибыл для прохождения службы, — четко докладываю я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

Он молчит несколько секунд, словно оценивает не только мои слова, но и то, что за ними скрывается. Затем садится, хмыкает, откидывается на спинку стула и, медленно открывает папку с документами, изучает мои бумаги.

— Ладно, посмотрим, что ты из себя представляешь, — бросает он сдержанно, убирая бумаги обратно.

Он поднимается, расправляет плечи и поворачивается к ротному, который стоит неподалеку. Ротный — мужчина лет тридцати пяти, коренастый, с суровым взглядом, такие обычно скупы на слова и имеют привычку говорить коротко и по делу.

— Вот, товарищ капитан, передаю вам новенького, — говорит подполковник. — Это ваш взводный. Пусть привыкает к тяготам службы.

Ротный кивает с легкой полуулыбкой, которую сложно назвать дружелюбной.

— Пойдем, лейтенант, покажу тебе твоё царство, — произносит он, глядя прямо мне в лицо.

Я чувствую, как груз слов «тяготы службы» ложится на мои плечи. Да, впереди — долгие военные будни, заботы о взводе, тренировки, подготовка, разбор полетов и сотни вопросов,

которые придется решать. Но несмотря на это, внутри теплится какая-то тихая решимость. Все-таки это тот путь, который я выбрал, и теперь отступать некуда.

Вечером ждет сюрприз. Меня разместили в офицерском общежитии, в комнате на двоих. А сосед — лейтенант Мазур, мой однокашник, приехавший на пару дней раньше, чем я. Он доволен, что меня подселили к нему. Предлагает отпраздновать встречу. У меня с собой бутылка особой водки «Московская» за 3.62 с пробкой из фольги и с козырьком, кусок вкуснейшего домашнего сала, купленного перед отъездом на Привозе. У Мазура из припасов: килька в томате, хлеб, банка с солеными огурцами и початая бутылка водки «Экстра». Разливаем водку в граненые стаканы. Выпиваем.

— Куда мы попали?! — говорит Геннадий, закусывая соленым огурцом и вытирая губы. — Кого здесь только нет!.. Сирия, Пакистан, Индия, Кампучия, Мадагаскар, Куба, почти вся Африка. Я не поленился, посчитал. Всего — 73 страны. Но знаешь, кому труднее всех? Не поверишь! Труднее всех музыкантам оркестра. Они обязаны в день независимости каждой из этих стран играть гимн.

Наше застолье продолжается не один час. За это время мы вспомнили учебу в училище, преподавателей, поход на Эльбрус, сокурсников, которые разъехались служить по всей стране.

— Скажу по секрету, — наполняя рюмки остатками водки, говорит Мазур, неожиданно переходя на шепот. — Я здесь не задержусь. У меня есть цель. Дядя служит на Лубянке, в «Детском мире». Ну, ты меня понимаешь? — намеками говорит он. — Обещает забрать к себе в «контру».

Утром, не выспавшись, быстро привожу себя в порядок. К моему удивлению, Геннадий уже на ногах и выглядит свежо и отдохнувшим. Он успел принять контрастный душ и снисходительно наблюдает за мной. «Возьми, — говорит он, подавая стакан с жидкостью соломенного цвета. — Да не бойся. Это отвар из мяты, пустырника и ромашки. Проверенное средство. Как рукой снимет».

Прохожу мимо плаца. Играет военный оркестр. Слышна барабанная дробь и звуки флейт. Необременительная для мозга работа на свежем воздухе, с завистью думаю я, глядя на оркестрантов. Под аккомпанемент военного оркестра невпопад, но старательно вышагивают слушатели специального факультета. От выпитого и недосыпа тупо гудит голова, хочется пить. Вдруг кто-то меня окликает. Оборачиваюсь. Высокий, стройный капитан в полевой форме, начищенных генеральских сапогах с голенищами, плотно обхватывающими его ноги. С офицерским планшетом, висевшим на плече. Я мельком видел его, когда меня представляли батальону. Лицо его показалось мне знакомым.

Подходит. Отдаю честь, принимая строевую стойку.

— Вольно! Не напрягайтесь, товарищ лейтенант. Вам не кажется, что мы знакомы?

— Кажется. Но где мы познакомились — не помню, — честно признаюсь я.

— Поезд «Москва – Одесса» ... ни о чем не говорит?

— Как же, помню. Вышел в Киеве. И не один.

— Было такое... Капитан Борис Кротов, — напоминает он.

Вот так дела! Это был мой попутчик-лейтенант, по примеру которого я, можно сказать, стал военным.

— Два года как здесь, — продолжает он. — Обучаю военным и политическим наукам будущих революционеров, полководцев, представителей элиты арабских, африканских и других стран... Женат?

— Нет.

— Где остановился? — допытывается он.

— В офицерском общежитии.

— Предлагаю после проведения батальонных тактических учений отметить встречу... На моей территории.

Встреча молодых офицеров с руководством курсов назначена в Доме офицеров. Заместитель начальника «полевой академии» (так называли курсы «Выстрел») полковник Тарханов, невысокий, крепкий мужчина с пронзительным взглядом и аккуратно подстриженной сединой, подходит к микрофону и знакомит нас с историей части, в которой нам предстоит служить, рассказывает о Солнечногорске, о Екатерининском канале, по которому сплавляли камень для строительства храма Христа Спасителя. «Остатки этого канала есть и сейчас в Солнечногорске. А название Солнечногорск — Солнечная Гора восходит к дохристианским языческим временам... Вы знаете о том, почему озеро Сенеж является памятником в честь победы в войне 1812 года?» Но появляется начальник курсов генерал-полковник танковых войск Драгунский, он дважды Герой Советского Союза, и полковник подает команду: «Товарищи офицеры!» Поднимаемся. Генерал приветливо окидывает внимательным взглядом зал и предлагает сесть.

Из биографии генерала я кое-что знал. Он проявил себя в годы войны. Был командиром бригады танковой армии Рыбалко. В ходе ожесточенных боев в конце июля 1944 года его бригада вышла к Висле. Средства переправы задерживались в пути, и он, проявив находчивость, приказал собрать плоты из бревен и досок, на которых удалось переправить танки. Благодаря этому был захвачен Сандомирский плацдарм на противоположном берегу Вислы.

Встреча прошла быстро и без лишних слов. Нас познакомили с руководством курсов, объяснили основные требования и пожелания, которые сводились к одному: стремиться к совершенству, быть дисциплинированными и готовыми к службе. В конце нам показали фильм «Офицеры», который, несмотря на свою известность, всегда оставляет особенное впечатление. Смотрели его молча, понимая, что впереди нас ждут серьезные испытания и этот фильм о том, что значит быть настоящим офицером, будет сопровождать нас в дальнейшей службе.

День выдался на удивление солнечным и жарким. Небо над гарнизоном кажется ярко-голубым, без единого облачка, словно сама природа решила поиздеваться над строгими армейскими буднями. Мой первый наряд — я начальник патруля — пришелся именно на этот день. Я стою во дворе комендатуры, где мелкие камешки весело поскрипывают под сапогами, солнце отражается от окон соседних зданий, ослепляя и добавляя неловкости моменту.

Инструктаж проводит помощник военного коменданта гарнизона — старший лейтенант Забоев. В гарнизоне его за глаза называли Дуремаром. Это прозвище ему подходило идеально: он обладал удивительным талантом сочетать высокомерный менторский тон с косноязычием, которое могло довести до смеха даже самого выдержанного человека.

Забоев стоит перед строем широко расставив ноги, будто его кто-то прочно вкоренил в землю. Выглядит он кряжистым, с натренированными руками, напоминающими руки портового грузчика. Его лицо — грубое, с резкими чертами — всегда кажется угрюмым, а голос звучит так, словно он пытался говорить на незнакомом ему языке.

— Застебнитесь, товарищ солдат! — раздается его грозное, слегка картавое. — Все начинается с расстегнутой пуговицы!

Я невольно улыбаюсь. Это «застебнитесь» звучит так забавно, что я чуть не расхохотался вслух. В голове тут же всплыл образ Держиморды из комедии Гоголя «Ревизор». Подобное сходство было поразительным: такой же грозный тон, та же непоколебимая уверенность в своей правоте и та же нелепость в каждом движении и слове.

— Вам весело, товарищ лейтенант? — голос Забоева заставляет меня вздрогнуть. Он становится прямо передо мной, скрестив руки на широкой груди. — Что так развеселило?

— Ничего, товарищ старший лейтенант, — быстро отвечаю я, стараясь придать лицу серьезное выражение.

— Повторите, о чем я сказал! — его голос становится еще громче.

Пришлось напрячь память.

— Вы говорили, что все начинается с расстегнутой верхней пуговицы, товарищ старший лейтенант, — чеканю я, стараясь не выдать своего веселья.

— Раньше! — рявкает он.

Тут я уже полностью сосредоточился, стараясь не упустить ничего. Я повторяю обязанности начальника патруля: следить за соблюдением воинской дисциплины, правил ношения формы и выполнения воинского приветствия.

Забоев доволен моим ответом, но его суровое лицо не дрогнуло.

— Вот так бы сразу, лейтенант, — бурчит он и поворачивается к строю.

А я стараюсь сохранить серьезный вид, подавить смешок. Даже сейчас, когда забавный Держиморда отвернулся, его косноязычие продолжает крутиться у меня в голове, напоминая, что даже самые строгие армейские будни иногда могут быть окрашены в комические краски.

Который час мы ходим по маршруту — туда-сюда. Солнце в зените. Душно и жарко. Мои солдаты-патрульные — их двое — одеты в парадную форму, кирзовые сапоги насквозь прогуталиненные. Едкий запах слышен за версту. На мне туго подпоясанный португеей китель, хромовые сапоги. По спине скатываются капли пота. Пропотевшая рубашка липнет к телу.

Подходим к озеру Сенеж (оно есть в схеме маршрута патрулирования). Идем мимо пристани, которую соорудили для проведения олимпиад, и оказываемся возле купальни — оборудованного места отдыха жителей гарнизона. Здесь полно народу. Шум и смех отдыхающих. Водная гладь сверкает на солнце, маня к себе прохладой. Люди купаются, плещаются, смеются, бросая друг в друга брызги. Их счастье и свобода — как укор нам, шагавшим туда-сюда вдоль маршрута. Ходившие в патруль офицеры предупреждали: слушатели-африканцы думают, что в озере водятся крокодилы, и периодически кидаются спасать детей. Но на проверку получалось, что спасали избирательно — молодых женщин и девушек. Патрулю вменялось в обязанность корректно делать замечание добровольным «спасателям».

Жара давит, тяжелая и безжалостная. Я смотрю на своих бойцов. Пот стекает по щекам, униформа уже не выглядит опрятно, а вода в флягах, наверное, нагрелась так, что пить ее невозможно. У одного расстегнут воротник, другой краем рукава бесполезно вытирает мокрый лоб. Они молчат, но я вижу их мысли — искупаться бы.

Проходим у кромки воды. На сиреновом покрывале лежит девушка. У нее загорелая кожа и красивая фигура. Рядом — книга Гюстава Флобера «Госпожа Бовари». Я еще раньше обратил на нее внимание, когда она выходила из воды. У нее модный пробор, на затылке тугой узел каштановых волос. Открытый, подкупающий взгляд. Вскинула глазами, и тут же опустила смутившись.

— Сил нет, — стонут оба бойца.

Вдруг внутри меня словно что-то щелкает. Сначала это ощущение трудно было уловить, но оно разрасталось, будто искра, что внезапно раздувается в пламя.

— Ко мне, — подзываю я бойцов, прерывая наше бесцельное хождение. Даже в строгой службе нужно дать человеку немного простого человеческого счастья. Жизнь ведь не только о приказах и дисциплине, оправдываю я себя.

— Пятнадцать минут. Слышите? Пятнадцать! Раздеться возле лодочной станции, форму спрятать. И — купайтесь.

Они стоят, словно не верят своим ушам. Я читаю в их глазах недоверие, удивление, а затем наконец проблеск радости.

— Чего встали? — продолжаю я, с улыбкой. — Выполнять!

Обрадовавшись, они уходят выполнять команду. А я — к девушке. Здравуюсь. Она отвечает. Поднимается. Поправляет волосы, глядя прямо мне в глаза.

— Вы отдыхали в Одессе? — спрашиваю первое попавшееся на ум.

— Вынуждена вас огорчить. Я никогда там не была.

— Странно. Мне кажется, что мы с вами там встречались. И я бросил вам спасательный круг. К сожалению, я не запомнил имя. Помню только, что очень симпатичная... А как вас зовут? Почему-то не могу вспомнить.

— Катя, — улыбается она, с любопытством меня рассматривая.

— Что вы будете делать сегодня вечером? — решительно перехожу к делу.

— Сегодня никак нельзя.

— А завтра?

— Завтра тем более.

— Тогда устроим свидание прямо здесь и сейчас. Вы так красиво улыбнулись, что я забыл о службе.

— Смотрите не пожалеете, — с веселой улыбкой говорит она, глядя через мое плечо. Я невольно оборачиваюсь. И замираю. К нам идут военные, среди которых босиком в мокрых черных солдатских трусах до колен, прижав к груди сапоги и обмундирование, бредут мои патрульные, похожие на общипанных цыплят. Возглавляет процессию помощник коменданта гарнизона старший лейтенант Забоев. Он за версту сверкает глазами. В голове проносится мысль: встреча с ним не сулит мне ничего хорошего.

Сегодня день командирской учебы. Нас собрали в просторном зале Дома офицеров. Окна, украшенные тяжелыми шторами, пропускают мягкий солнечный свет, который ложится на ряды кресел, заполненных офицерами. На сцене — длинный стол, накрытый бархатной тканью, стаканы и графин с водой. Рядом три офицера — участники арабо-израильской войны: двое летчиков и один артиллерист. Они сидят молча, выправка их безупречна, взгляд спокойный, но вдумчивый, словно они вновь вернулись мыслями в те дни.

Полковник Тарханов берет микрофон:

— Товарищи, сегодня у нас особый день, — говорит он, кивая в сторону сидящих за столом. — Перед вами герои, люди, которые собственными глазами видели войну. И их истории важнее всех учебников. Слово предоставляется подполковнику артиллерии Комкову Игорю Степановичу.

Высокий, широкоплечий, с густыми русыми волосами и мощными руками, он больше походил на эпического богатыря из русских сказаний, чем на офицера, встал, поправил погоны, как бы проверяя, правильно ли они сидят, взял со стола стакан с водой, сделал несколько глотков и, с точностью, выдавшей в нем человека, привыкшего к порядку, поставил стакан обратно.

— Как я попал в Египет? — говорит он спокойным голосом, будто пробирающимся до костей. — Все началось с приказа. Обычного, как нам тогда казалось, приказа о командировке. Был командиром дивизиона 75-х. Пригласили в отдел кадров. Спросили: «Хочешь в туристический круиз? Есть загранкомандировка». — «Конечно, — отвечаю, — кто же откажется от круиза?! Я же военный — давал присягу. Надо, значит, надо...»

Он делает паузу, словно заново переживает каждое слово, каждую минуту той командировки. И продолжает:

— Собрали нас со всей страны. Переодели в гражданку. Выдали носки, трусы. В Николаеве посадили на пароход. У всех короткая стрижка, примерно одного возраста. Конечный пункт Египет, а где конкретно — не говорят. Кроме военных, других пассажиров не было.

Якорь бросили в Александрии. На дворе март. Ждем неделю, пока придет сухогруз с техникой. Жара. Носу не высунешь. Отсыпались в каютах. Наконец пришел сухогруз. Технику выгрузили и сразу в эшелон. Двое суток тряслись по железке в сторону Нила. Приехали. Нас уже ждала готовая позиция. Было все, кроме жилья. Вместо него капониры. Смастерили двухъярусные кровати типа нар. Жили поначалу вместе с солдатами. Позже офицеры перебрались в землянку.

К нашему приезду уже был сформирован египетский дивизион. Когда мы прибыли, нас сразу предупредили: вы здесь официально «инструкторы». Вы не воюете, вы обучаете. В наши

задачи входило: развернуть и настроить технику, а когда арабы освоят ее, передать им. Но когда начались первые обстрелы... — он замолкает, и в зале повисает напряженная тишина. Каждое его слово, каждый взгляд наполняет атмосферу чем-то неуловимо тяжелым. Это была не просто история, это была война, рассказанная человеком, который видел ее лицо. И все мы, собравшиеся в этом зале, слушаем, затаив дыхание.

— Как общались? — спрашивает кто-то.

— Помогали нам наши переводчики. Арабы, которые побывали в Союзе, могли связать пару слов по-русски. До этого многие уже отучились в Одесском военном училище. Правда, арабы хорошо шпарили по-английски. Пытались с нами сначала объясняться на английском и очень удивлялись, когда в ответ слышали что-то типа: «Дую».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.